06 (57)
З-324
к 14

01.05

Омская Городская
БИБЛІОТЕКА
имени
В. Г. БѢЛИНСКАГО
Хр. кат. № ~~13082~~ 5162
Отдѣлъ « 050 »
№ « 3.39к » 14 кар.

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

116208

стр. все

РК

Колич. предыд. выдачи _____

Кн. 14

РК Оса-оби, Ар
16 Кн 14
116908
Об (Зап)
З-32
к 14
1893

ЗАПИСКИ

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

КНИЖКА XIV,

~~ВЫПУСКЪ I.~~

Сост. действ. чл. Зап.-Сиб. Отдѣла Г. Е. Катанаевымъ.

Печатано по постановленію Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОМСКЪ.
Тип. Окружн. Штаба.
1893.

Mat

050 (910)
3.32
ОМСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
332

КИРГИЗСКІЯ СТЕПИ, СРЕДНЯЯ АЗІЯ
и
СѢВЕРНЫЙ КИТАЙ

въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

ПО ПОКАЗАНІЯМЪ, РАЗВѢДКАМЪ, ДОѢЗЖИМЪ ЗАПИСЯМЪ, ОТЧЕТАМЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ ЗАПАДНО-СИБИРСКИХЪ КАЗАКОВЪ И ПРОЧИХЪ СЛУЖИЛЫХЪ СИБИРСКИХЪ ЛЮДЕЙ.

ИЗЫСКАНІЯ

ПОЛКОВНИКА Г. Е. КАТАНАЕВА

съ приложеніемъ: 1) извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ двухъ отчетовъ о поѣздкахъ въ Джунгарію и Китай: Тарскаго казацкаго головы Ивана Чередова въ 1719—1720 г. и Атамана Сибирскихъ линій казаковъ Григорія Волошанина въ 1771 г. и 2) Карты Центральной Азіи, съ показаніемъ путей слѣдованія по ней наиболѣе извѣстныхъ путешественниковъ XVII и XVIII столѣтій.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА им. А. С. Пушкина
№

332 к. 14

Г1

ВВЕДЕНІЕ

О ЗАПАДНО-СИБИРСКИХЪ КАЗАКАХЪ И ДРУГИХЪ СИБИРСКИХЪ СЛУЖИЛЫХЪ ЛЮДЯХЪ НЕРЕГУЛЯРНАГО КАЗАЦКАГО ЧИНА.

Въ шестнадцатомъ, семнадцатомъ и въ первую половину восемнадцатаго столѣтія, всѣ военно-служащіе въ Сибири назывались общимъ именемъ *служилыхъ людей*; въ частности-же всѣ служилые люди подраздѣлялись на дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, служилыхъ татаръ и казаковъ разныхъ наименованій. Послѣдніе составляли главную массу сибирскаго служилаго люда, особенно въ первые два изъ названныхъ столѣтій; такъ что слова — „казакъ" и „служилый человѣкъ" на языкѣ и въ понятіяхъ того времени были какъ бы синонимами, и потому часто даже въ оффиціальныхъ документахъ замѣнялись одно другимъ.

Общее названіе здѣшнихъ казаковъ было: „сибирскій казакъ"; въ частности-же они подраздѣлялись на болѣе или менѣе многолюдныя группы: по городамъ и мѣстностямъ, къ которымъ были приписаны, по роду относимой ими службы и по происхожденію. Такимъ образомъ, напримѣръ, были Тобольскіе, Тюменскіе, Пелымскіе, Березовскіе, Томскіе, Кузнецкіе городовые казаки; когда-же съ начала XVIII стол. вновь возводимыя на южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ русскія поселенія вмѣсто городковъ и острожковъ стали именоваться „крѣпостями", то и водворяемые въ нихъ казаки стали именоваться *крѣпостными*; таковы напримѣръ — Омскіе, Желѣзинскіе, Ямышевскіе, Семипалатинскіе, Устькаменогорскіе крѣпостные казаки. По мѣрѣ сплоченія разбросанныхъ по разнымъ городамъ и крѣпостямъ казаковъ въ болѣе многолюдныя группы по линіямъ и дистанціямъ и казаки ихъ населяющіе стали именоваться по тѣмъ линіямъ и дистанціямъ, — таковы Иртышскіе крѣпостные казаки, Колыванскіе, Новой (Прѣсногорьковской) линіи казаки и проч. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда всѣ крѣпостные и большая часть выдворенныхъ

на линіи городовыхъ тобольскихъ, тарскихъ, тюменскихъ, томскихъ казаковъ поступили подъ одну общую команду или атаманство, проживавшаго въ Омской крѣпости войсковаго атамана, они стали называться собирательнымъ именемъ „Сибирскихъ линій казаковъ". Когда же въ началѣ текущаго столѣтія сплоченіе разбросанныхъ по разнымъ западно-сибирскимъ городамъ и крѣпостямъ казаковъ закончилось сформированіемъ изъ нихъ на линіяхъ 10-ти конныхъ полковъ и двухъ конныхъ-же батарей, они образовали—„Сибирское линейное казачье войско", переименованное въ 1861 году просто въ „Сибирское казачье войско".

По роду относимой казаками службы, они дѣлились на *пѣшихъ* и *конныхъ*. Ермакъ и его сподвижники—всѣ были пѣшіе; но необходимость быстрыхъ передвиженій и погони за коннымъ непріятелемъ по его „сакмамъ и воровскимъ перелазамъ" заставила въ первые-же года водворенія въ Сибири казаковъ, обратить ихъ въ конные, а затѣмъ, постепенно увеличивая число конниковъ, обратить и всѣхъ казаковъ въ конные. Крѣпостные и линейные казаки съ самаго ихъ образованія были уже конные. Служившіе при пушкахъ казаки назывались „*пушкарями*", а тѣ, которые блюли за исправностью и охраною острожныхъ или крѣпостныхъ входовъ насыпей и тына,—„*затинщиками*" и „*воротниками*". Въ каждомъ городѣ или острогѣ были свои конные и пѣшіе казаки, свои пушкари, затинщики и воротники. Тѣ-же казаки несли за неимѣніемъ спеціалистовъ морскаго или рѣчнаго дѣла и прочихъ—„*стружную*" и „*лыжную*" службы. Строгаго подраздѣленія на спеціальности военнаго дѣла, ни въ шестнадцатомъ, ни въ семнадцатомъ столѣтіяхъ еще не было; почему одни и тѣ-же люди, смотря по надобности, исполняли то ту, то другую, то третью изъ спеціальныхъ воинскихъ службъ. Въ челобитныхъ и донесеніяхъ за то время, постоянно встрѣчаются перечисленія службъ въ родѣ слѣдующаго: „И былъ я, Государь, во всякихъ Твоихъ службахъ и въ службишкахъ и въ пѣшей, и въ конной, и въ лыжной, и въ стружной, и въ пушкаряхъ и въ затинщикахъ, и у строенія остроговъ, и у сбора Твоего, Государева, ясака,

и въ голмачахъ, и въ вожахъ, и у провѣдыванія новыхъ земляхъ, и у подведенія невѣрныхъ подъ Твою высокую руку"....и т. д.

Недостатокъ спеціальныхъ родовъ оружія восполнялся, на сколько возможно, подборомъ, или „приборомъ" въ служилые люди, не только начальницкой, но и рядоваго званія, всякаго рода „видальцевъ" и „бывальцевъ", какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ. Въ противоположность „вольному" Донскому, Яицкому и Запорожскому казачеству пополнявшемуся по вольной волѣ всякими бѣлыми и недовольными московскими порядками людьми, сибирское „служилое" казачество комплектовалось исключительно по Царскому указу и воеводскому наказу; не только нарядомъ потребныхъ людей, но и прямою ссылкою въ Сибирь какъ преступниковъ, такъ и всякаго рода плѣнныхъ „черкасъ" (малороссовъ и запорожцевъ), „литвы" (поляковъ) и „нѣмцевъ". Составъ сибирскихъ служилыхъ людей, можно сказать, переполненъ былъ всякими иноземцами, до „французъ" включительно. Поляки даже составляли особыя команды „казаковъ литовскаго списка"; „черкасы" также. Разъ попавши въ казаки, эти иноземцы обыкновенно навсегда въ казакахъ и оставались со всѣмъ своимъ потомствомъ, принимавшимъ православіе и мѣнявшимъ даже свои фамиліи: Янъ Березуцкій, напримѣръ дѣлался, Иваномъ Березовскимъ, Іозефъ Кобылянскій — Осипомъ Кобылинымъ или даже просто Оськой Поляковымъ, Панковымъ, Литвиновымъ и т. д. Малороссы или черкасы переименовывались въ Черкасовыхъ, Хохловыхъ, Подольскихъ и проч. Сосланный въ 1618 году и поверстанный въ томскіе казаки запорожскій атаманъ Михайло Скиба, обратился въ Михалку Скибина. Въ 1619 году поверстано въ тобольскіе нѣмцы казаки 40 „выѣзжихъ запорожскихъ черкасъ". Не прекращалась подобная высылка и зачисленія иноземцевъ и въ болѣе позднія времена, напр. въ 1770 г., когда въ здѣшніе казаки были зачислены 137 запорожцевъ, захваченныхъ съ Желѣзнякомъ и Швачкою послѣ извѣстной Уманьской рѣзни въ польской Украйнѣ; при этомъ запорожецъ Иванъ Найда обратился въ Ваньку Найдина, Грицко Таранъ — въ Гришку Тараненка, Петро

Бородавка—въ Петуньку Бородавкина, Иванъ Негода—въ Негодина, Задирака—въ Задиракина, Денисъ Носъ—въ Носова и т. д. Въ 1813 году сюда же высланы болѣе сотни польскихъ плѣнныхъ „великой арміи“ Наполеона I-го. Сотни польскихъ и малороссійскихъ фамилій, встрѣчающихся и по сіе время въ средѣ современныхъ намъ сибирскихъ казаковъ, показываютъ, что иноземное дерево, посаженное на здѣшнюю почву не заглохло, а напротивъ, укоренившись, дало хорошіе ростки. „И ссылаются въ Сибирь съ Москвы и изъ городовъ (писалъ казѣстный Котошихинъ въ своей книгѣ) на вѣчное житье всякаго чина люди за вины; а тѣхъ ссылочныхъ людей въ тамошнихъ (т. е. въ сибирскихъ) городахъ верстаютъ въ службы *смотря по человѣку*, въ дворене, и въ дѣти боярскіе, и въ казаки и въ стрѣльцы“. Грамотные и многобывалые люди при зачисленіи въ службу цѣнились всегда высоко и получали болѣе видныя назначенія въ качествѣ казацкихъ или стрѣлецкихъ и татарскихъ пятидесятниковъ, сотниковъ, атамановъ и головъ.

Служилые дворяне и дѣти боярскіе въ Сибири, не составляя особо организованнаго рода войска или сословія, служили, какъ сказано, съ тѣми-же казаками и стрѣльцами въ качествѣ болѣе или менѣе начальственныхъ людей; многіе изъ нихъ совмѣстно съ званіемъ дворянина или боярскаго сына, носили и званіе казацкихъ или стрѣлецкихъ головъ и атамановъ. Въ свою очередь и казаки со стрѣльцами „за свои и своихъ предковъ службы“ нерѣдко жаловались въ дѣти боярскіе и дворяне. Исторію нѣкоторыхъ изъ старинныхъ казачьихъ родовъ можно прослѣдить по архивнымъ документамъ и челобитнымъ; при чемъ оказывается, напримѣръ, что прапрадѣдъ челобитчика былъ зачисленъ въ казаки „по прибору изъ гулящихъ людей“; сыновья его, одинъ служитъ казакомъ-же, а другой за сверхкомплектомъ и неспособностью числится до старости „въ дѣтяхъ казачьихъ“; внуки родоначальника семьи, частью продолжаютъ служить казаками-же въ рядовомъ и пятидесятницкомъ званіи, часть-же за грамотность и распорядительность жалуются въ дѣти боярскіе; ихъ-же дѣти или правну-

ки рядоначальнаго казака служатъ: трое по прежнему въ казакахъ разныхъ ранговъ до атамана включительно, а четвертый, пробыв званіе десятника, пятидесятника и сотника „за многія его службы“ жалуется въ дворяне съ назначеніемъ казацкимъ головою; два сына этого послѣдняго служатъ одинъ въ дѣтяхъ боярскихъ, а другой пятидесятникомъ казацкимъ и т. д.

Дворянства и казачества, какъ строго обособленныхъ сословій, въ старинной Сибири не было. Какъ казаки, такъ и дѣти боярскіе, стрѣльцы и дворяне были просто служилыми людьми разныхъ рангъ обязанными *постоянной* и *безсрочной* службой „лежалъ въ силахъ“, за опредѣленное (очень ничтожное) „положенье и хлѣбное жалованье“. За время нахожденія при своихъ домахъ, большинство ихъ довольствовалось съ своихъ же земельныхъ надѣловъ или пашенъ и отводныхъ луговъ. Избы или дворы, въ которыхъ эти служилые люди съ своими семьями проживали въ мѣстахъ своей приписки, были на половину не ихъ собственные, а казенные, построенные тѣми-же служилыми людьми по наряду и располагались около острогов и крѣпостей особыми служилыми, стрѣлецкими и казачьими слободами. Такой способъ расквартированія или размѣщенія служилыхъ людей при городахъ, острогахъ и крѣпостяхъ сохранился и въ болѣе позднее время, послѣ сформированія, взамѣнъ стрѣльцовъ, дѣтей боярскихъ и дворянъ - солдатскихъ и драгунскихъ полковъ; только вмѣсто служилыхъ и стрѣлецкихъ, тѣ слободы получали наименованіе солдатскихъ и драгунскихъ; въ тѣхъ же солдатскихъ слободахъ, въ первое время по основаніи линейныхъ крѣпостей, форпостовъ и редутовъ, помѣщались и приписанные къ тѣмъ укрѣпленіямъ казаки.

Преобразованія Петра I-го въ составѣ и организаціи всей русской арміи, не могли конечно не отразиться и на Сибири. И здѣсь, какъ въ Европейской Руси, первыми исчезли изъ рядовъ служилыхъ людей прежняго типа - стрѣльцы; за ними вскорѣ упразднились дѣти боярскіе и дворяне; остались только одни казаки: хотя и на нихъ стремленіе обратить всё прежнее служилое населеніе „въ регулярство“ отразилось, въ первое время, край-

нимъ истощеніемъ служилаго состава. Всѣ вновь сформированные драгунскіе и солдатскіе полки — Тобольскій, Сибирскій и Новоучрежденный, равно какъ и гарнизонныя команды всѣхъ иртышскихъ крѣпостей, были укомплектованы исключительно тѣми-же сибирскими служилыми людьми: дворянами, дѣтьми боярскими, стрѣльцами, казаками и дѣтьми казачьими. При этомъ многіе изъ дворянъ, казацкихъ и стрѣлецкихъ головъ, атамановъ и сотниковъ переименовались въ полковники, полуполковники, капитаны и поручики; дѣти-же боярскіе и пятидесятники казацкіе — въ сержанты и капралы, а всѣ прочіе стрѣльцы, казаки и ихъ дѣти — въ драгуны и солдаты.

Оставшіеся свободными отъ регулярства дворяне и дѣти боярскіе, совмѣстно съ таковыми-же казаками вносятся, съ этого времени, въ общую рубрику — „нерегулярныхъ казацкихъ чиновъ“; а къ концу XVIII столѣтія и совсѣмъ исчезаютъ изъ списковъ воинскихъ званій.

Сильно порѣдѣвшіе ряды сибирскаго казачества скоро, впрочемъ, вновь укомплектовываются, какъ естественнымъ приростомъ „самихъ въ себѣ“, такъ и всякаго рода вольными и невольными (какъ сказано выше) причисленіями извнѣ; такъ что уже къ шестидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія, служилый составъ ихъ вновь достигаетъ двухъ тысячъ человѣкъ, а къ началу текущаго столѣтія и пяти тысячъ. И замѣчательно, при этомъ, что въ противоположность тому, что дѣлалось въ началѣ XVIII столѣтія, когда по волѣ Петра I-го, такъ сказать, совсѣмъ выкуривался изъ арміи духъ казачества, къ концу того-же столѣтія, существеннѣйшимъ контингентомъ для усиленія сибирскаго казачества, послужило зачисленіе въ составъ его двухъ тысячъ солдатскихъ и драгунскихъ малолѣтковъ изъ полковъ и командъ, расположенныхъ на пограничной линіи совмѣстно съ казаками. Въ 1808 году регулярные полки совсѣмъ выведены съ линій и изъ Сибири внутрь Европейской Россіи, а охрана сибирской границы отъ вторженія кочевниковъ и вся внутренняя служба возложены исключительно на сибирскихъ линейныхъ казаковъ.

Перечисленіе всѣхъ до крайности разнообразныхъ „службъ", которыя выпали на долю сибирскихъ казаковъ и вообще служилыхъ людей нерегулярнаго строя, за ихъ болѣе чѣмъ трехвѣковую исторію, не входитъ въ задачи настоящаго труда; а потому, ограничиваясь сказаннымъ выше объ организаціи и способѣ комплектованія служилыхъ людей, замѣтимъ вообще, что какъ въ первые два столѣтія ихъ самостоятельной дѣятельности, такъ и въ послѣдующую совмѣстную службу съ регулярными частями — на долю этихъ людей выпала трудная и почетная (хотя и не всегда видная) роль піонеровъ всякихъ начинаній и мѣропріятій правительства по разслѣдованію, занятію, покоренію, умиротворенію и устройству необъятной Сибири съ ея многоязычнымъ населеніемъ. Безъ преувеличенія можно сказать: не было такой службы, такого порученія, такого дѣла, которое-бы „волею начальства" — не возлагалось на этихъ присяжныхъ исполнителей предначертаній свыше. Многообразіе всякаго рода послугъ соединенное съ безропотностію ихъ выполненія составляетъ, можно сказать, отличительную особенность сибирскаго „служилаго" казачества, рѣзко выдѣляющую его изъ рядовъ прочаго „вольнаго" казачества, сложившагося въ самостоятельныя общины съ особымъ укладомъ жизни и порядковъ, шедшихъ (въ XVI—XVIII столѣт. чаще въ разрѣзъ требованіямъ правительства, чѣмъ согласно съ ними. Но что особенно выдѣляетъ „службы" сибирскихъ казаковъ, изъ таковыхъ-же вольно-казачьихъ, — это ихъ, такъ сказать, культурность и гражданственность. Будучи классомъ собственно военнымъ или боевымъ, сибирскіе казаки въ то-же время, по необходимости, за невозможностью замѣниться кѣмъ либо другимъ, исполняли зачастую порученія, ничего общаго съ воинскимъ дѣломъ не имѣвшія. Таковы, напримѣръ, въ длинномъ ряду всякаго рода другихъ службъ, службы „у казенной или Государевой пашни" служба въ толмачахъ и переводчикахъ, служба „у провѣдыванія новыхъ землицъ" — „развѣдки о заграничныхъ обстоятельствахъ", посольская служба и т. д.

Многообразіе, самостоятельность и отвѣтственность всякаго рода

ближнихъ и дальнихъ командировокъ, по вѣдомымъ и невѣдомымъ, русскимъ и иноплеменнымъ краямъ обширной и далеко еще не мирной въ тѣ времена Сибири, требовало отъ тогдашнихъ казаковъ необычайной энергіи, выносливости, расторопности, находчивости, рѣшимости и даже самоотверженія, соединенныхъ съ способностью къ иниціативѣ и готовностью принять на собственный страхъ и отвѣтственность всѣ послѣдствія тѣхъ или иныхъ своихъ дѣйствій. Спрашивать постоянно начальственныхъ указаній за сотни и тысячи верстъ было нельзя; нужно было всё брать на себя и брать притомъ не на день — на два, а на цѣлые мѣсяцы и даже годы, ибо не только дальнія, но и сравнительно ближнія командировки для „провѣдыванія новыхъ землицъ“,—разведокъ „о заграничныхъ обстоятельствахъ“ и многія другія продолжались нерѣдко цѣлые годы, вдали не только отъ русскихъ, но и отъ всякихъ другихъ живыхъ людей. Требовалась наблюдательность и умѣніе не только передать или пересказать подлежащему начальству о всемъ видѣнномъ и слышанномъ за время продолжительныхъ странствій по пустынямъ и населеннымъ странамъ, но нерѣдко и описать всё это на бумагѣ; нужно было время отъ времени давать знать далекому начальству о положеніи въ какомъ находятся командированные, съ приложеніемъ „росписи“ о всѣхъ обстоятельствахъ; нужно было, однимъ словомъ, умѣть грамотѣ, если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ ближайшимъ начальникамъ и при томъ не только старшимъ, но и самымъ младшимъ, такъ какъ командированныя самостоятельныя партіи были въ большинствѣ случаевъ очень малы, всего въ пять, десять, двадцать человѣкъ.

Зная условія сибирской службы и требованія, предъявляемыя тамошнему служилому человѣку, правительство наше и сибирскіе воеводы, какъ въ московскій періодъ, такъ и въ петербургскій, всегда придавали должное значеніе надлежащему „прибору“ сибирскихъ служилыхъ людей изъ „нетяглыхъ“—„добрыхъ молодцовъ къ воинскому дѣлу обыкныхъ и стрѣлять умѣлыхъ“; особенно при назначеніяхъ на должности мелкихъ начальниковъ, въ званіи десятниковъ, пятидесятниковъ, дѣтей боярскихъ и т. п.

Знаніе грамоты всегда высоко цѣнилось между сибирскими служилыми людьми, прокладывая имъ дорогу ко всякаго рода служебнымъ повышеніямъ и усиленію Государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья. Отсюда понятно и то стремленіе къ верстанію въ служилые люди, въ дѣти боярскіе и конные казаки всякаго рода выѣзжихъ и плѣнныхъ „черкасъ“ и „литвы“ какъ людей болѣе грамотныхъ, бывалыхъ и видалыхъ; понятно формированіе изъ нихъ цѣлыхъ командъ „литовскаго списка“ и посылки во всякія болѣе или менѣе видныя и отвѣтственныя командировки.

Читая и просматривая сохранившіеся въ архивахъ документы за первыя столѣтія занятія русскими Сибири, поражаешся массою всякаго рода донесеній, челобитныхъ, отчетовъ, отписокъ, росписей, доѣзжихъ записей, сказокъ, статейныхъ списковъ писанныхъ простыми казаками безъ посредства писарей или подъячихъ; немало встрѣчается — приложенныхъ къ тѣмъ-же донесеніямъ — чертежей, маршрутовъ, картъ пройденныхъ и осмотрѣнныхъ казаками странъ. Невольно рождается вопросъ, гдѣ, у кого и когда учились эти рядовые казаки книжному искуству въ эпоху, когда это искуство по господствовавшему до сего времени взгляду съ великимъ трудомъ давалось только духовенству, и то не всему, да профессіональнымъ дьякамъ и подъячимъ разныхъ ранговъ; когда даже для именитыхъ и титулованныхъ бояръ грамота не считалась обязательною? Приходится предположить, что или свѣдѣнія наши о поголовной, такъ сказать, безграмотности русскихъ людей до-петровскаго времени не достаточно вѣрны; или, какъ сказано выше, что подборъ служилыхъ людей для Сибири былъ особенно строгъ; или что правительство и мѣстная сибирская администрація прилагали особое стараніе къ подготовкѣ грамотныхъ людей на мѣстѣ. Повидимому, всѣ эти предположенія имѣютъ свое значеніе, а сравнительное обиліе, въ средѣ сибирскихъ служилыхъ людей, если не образованныхъ, то достаточно грамотныхъ людей, есть результатъ того и другаго и третьяго.

Оставляя, пока, въ сторонѣ первое и второе изъ приведенныхъ обстоятельствъ, бросимъ здѣсь лишь бѣглый взглядъ на исторію

послѣдняго, т. е. на стараніе сибирскихъ властей подготовить для служебнаго поприща грамотныхъ людей. Собственно о XVII-мъ столѣтіи мы по этой части знаемъ очень мало, или лучше сказать ничего не знаемъ, такъ какъ какихъ бы то ни было общественныхъ или правительственныхъ школъ за это время въ Сибири, сколько извѣстно, еще не существовало. Не было ихъ даже и въ болѣе позднее время — во всю первую четверть XVIII столѣтія. Необходимые для службы грамотные люди комплектовались почти исключительно высылкою съ Москвы и плѣнными грамотѣями изъ черкасъ и литвы. Изъ желанія удержать въ потомствѣ пріобрѣтенное дѣдами и отцами видное служебное положеніе, учили грамотѣ своихъ дѣтей и многіе изъ служилыхъ дворянъ, головъ и атамановъ; подготовляли себѣ свѣдущихъ помощниковъ, переписчиковъ и преемниковъ также и дьяки съ подъячими, при воеводскихъ приказныхъ избахъ. Всё это была однакоже болѣе или менѣе случайная подготовка. Болѣе систематически поставлено это дѣло только съ открытіемъ такъ называемыхъ „гарнизонныхъ школъ" въ Тобольскѣ и Томскѣ, имѣвшихъ цѣлью заполнить недостатокъ грамотныхъ людей въ войскахъ. Конечно, двухъ школъ было совершенно недостаточно, сравнительно съ существовавшею потребностью въ грамотныхъ людяхъ; но и ихъ вліяніе не замедлило сказаться на быстромъ повышеніи образовательнаго уровня ближайшихъ - низшихъ начальниковъ служилыхъ людей. Просматривая списки десятниковъ, капраловъ и пятидесятниковъ казацкихъ, половины прошлаго столѣтія, нельзя не обратить вниманія съ одной стороны на чрезвычайно молодой составъ этихъ лицъ, а съ другой—на ихъ грамотность. Такимъ образомъ, напримѣръ, изъ списковъ старшинъ и казаковъ находившихся въ 1761 году въ службѣ на западно-сибирскихъ пограничныхъ линіяхъ, видно, что къ этому году здѣсь состояло: 2607 служащихъ сибирскихъ казаковъ, при 18 ти старшинахъ офицерскаго званія и 78-ми унтеръ-офицерскаго или урядничьяго. О грамотности нижнихъ чиновъ рядоваго званія въ тѣхъ спискахъ нѣтъ свѣдѣній; изъ *урядниковъ же* (капраловъ и пятидесятниковъ) *грамотныхъ было* — 47

человѣкъ или болѣе 60%; сотники-же и атаманы, т. е. офицеры, всѣ были грамотные. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о значеніи этихъ цифръ, достаточно сравнить ихъ съ таковыми же цифрами, выражающими грамотность у донскихъ казаковъ и башкиръ-мещеряковъ, находившихся на службѣ по тѣмъ же линіямъ и въ тотъ-же 1761 годъ. Не считая нижнихъ чиновъ, оказывается, что въ этотъ годъ на нашихъ линіяхъ находилось 35 донскихъ атамановъ, есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ, изъ которыхъ *умѣли грамотѣ всего только 6 человѣкъ*, или только 17%! Изъ состава же 9-ти башкирскихъ и мещерякскихъ атамановъ, есауловъ и сотниковъ грамотный былъ только одинъ! Сравнивая этихъ донскихъ и оренбургскихъ офицеровъ съ сибирскими казаками нижняго или урядничьяго званія (не говоримъ уже объ офицерахъ), оказывается, что грамотность этихъ послѣднихъ, т. е. сибирскихъ урядниковъ, въ $3^1/_2$ раза превосходила офицерскую грамотность донскихъ казаковъ и въ $5^1/_2$ разъ башкирскихъ и мещерякскихъ. Фактъ поистинѣ изумительный.

Съ назначеніемъ начальникомъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ, расположенныхъ на западно-сибирскихъ пограничныхъ линіяхъ дѣятельнаго и просвѣщеннаго генералъ-поручика Шпаргина, дѣло развитія грамотности въ здѣшнихъ войскахъ еще болѣе двинулось впередъ. По ходатайству его, независимо отъ Тобольской и Томской гарнизонныхъ школъ, въ 1765 году такія-же были открыты и на линіяхъ, въ крѣпостяхъ Омской, Петропавловской, Ямышевской и Бійской, всего на 150 школьниковъ изъ солдатскихъ дѣтей мѣстныхъ войскъ. Тогда-же, впрочемъ, оказалось, что всего этого комплекта школьниковъ заполнить исключительно солдатскими дѣтьми нельзя. Съ разрѣшенія Шпаргина въ гарнизонныя школы, разрѣшено было принимать и казачатъ. Мало того: даже начальникомъ главнѣйшей изъ школъ Омской, былъ назначенъ никто другой, какъ казакъ же, казацкій атаманъ Аникитовъ, на котораго возложено было и завѣдываніе хозяйственною частью всѣхъ прочихъ линейныхъ гарнизонныхъ школъ. Въ первый же годъ открытія школъ, въ нихъ поступило каза-

чытъ: въ Омскую школу—98; въ Петропавловскую—60; Ямышевскую—83 и Бійскую—65, а всего 306 казачьихъ мальчиковъ. На дѣтей же линейныхъ драгунъ и гарнизонныхъ солдатъ, осталось всего 144 вакансіи.

Понятно, что столь быстрое приращеніе учащихся казачатъ, незамедлило отразиться на быстромъ повышеніи грамотности въ средѣ сибирскаго казачества; и хотя съ 1777 года доступъ въ гарнизонныя школы для дѣтей казаковъ былъ закрытъ, тѣмъ не менѣе и 12-ти лѣтній періодъ безпрепятственнаго допуска казачатъ къ школамъ, ясно сказался на служиломъ составѣ „сибирскихъ линій казаковъ". Въ Московскомъ Архивѣ Главнаго Штаба, сохранился полный именной и формулярный списокъ старшинъ и казаковъ Сибирскаго казачьяго войска за 1793 годъ, съ точными отмѣтками противъ каждаго казака его лѣтъ, наружныхъ примѣтъ, роста, грамотности, прохожденія службы и семейнаго положенія. Изъ списка этого видно, что въ 1793 году въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ состояло на дѣйствительной службѣ—37 атамановъ, сотниковъ и старшинъ офицерскаго ранга и 2745 человѣкъ пятидесятницкаго, капральскаго, десятницкаго и просто казачьяго званія.

Изъ 37 офицеровъ, всѣ, за исключеніемъ одного, были грамотные, и въ томъ числѣ нѣкоторые съ познаніями въ ариѳметикѣ, геометріи, тригонометріи и даже „практикѣ", т. е. топографіи.

Изъ казаковъ нижняго званія *грамотныхъ было 405 человѣкъ!* т. е., 15%; или столько, сколько въ большинствѣ регулярныхъ войскъ не имѣется даже и теперь, не говоря уже о прошломъ столѣтіи, когда грамотности въ войскахъ можно сказать почти не существовало. О „вольныхъ" казакахъ того времени нечего и говорить: достаточно сказать, что напр. въ Уральскомъ войскѣ за эти года самъ Войсковой Атаманъ Донсковъ русской грамоты совсѣмъ не зналъ и могъ только съ большимъ трудомъ крупными іероглифами подписывать свою фамилію! Изъ 7-ми войсковыхъ старшинъ, одинъ былъ тоже неграмотный, изъ 6-ти старшинъ неграмотныхъ двое, а изъ 36-ти сотниковъ неграмотныхъ

даже 12! Въ Астраханскомъ войскѣ изъ 4-хъ войсковыхъ старшинъ съ войсковымъ атаманомъ неграмотныхъ было двое; изъ 18-ти станичныхъ старшинъ грамотныхъ было всего 6 человѣкъ!

Въ цѣляхъ подготовки *переводчиковъ* и *толмачей* для сношеній съ сосѣдними азіятскими народами въ 1789 году въ Омскѣ открыта такъ называемая „*Азіятская школа*“ комплектовавшаяся исключительно дѣтьми казаковъ. Въ школѣ этой, кромѣ русской грамоты и основъ математики, преподавались языки татарскій, турецкій, арабскій и персидскій. Со временемъ въ этой-же школѣ открыто отдѣленіе для подготовки съемщиковъ и *топографовъ*, комплектовавшееся, опять таки исключительно казачатами. Въ 1813 году, стараніемъ тогдашнихъ войсковыхъ атамановъ Сибирскаго войска Тьятникова и Ильокова, въ Омскѣ на войсковой счетъ открывается родъ средняго учебнаго заведенія для казаковъ, получившаго названіе „*войскового училища*“. Въ училищѣ этомъ преподавались: Законъ Божій, чтеніе, чистописаніе, русскій языкъ, понятія о должности человѣка и гражданина, ариѳметика, алгебра, геометрія, тригонометрія, географія, исторія, полевая фортификація, артиллерія, черченіе плановъ и рисованіе.

Благодаря существованію трехъ названныхъ училищъ, сибирскіе казаки явились, какъ выразился въ одномъ изъ своихъ представленій въ Петербургѣ тогдашній главный начальникъ Западной Сибири — „истинною силою правительства“ — давая краю достаточно образованныхъ по тому времени мѣстныхъ офицеровъ, переводчиковъ, толмачей, топографовъ, не говоря уже о грамотныхъ, сообразительныхъ и всюду пригодныхъ урядникахъ и казакахъ. По свѣдѣніямъ за 1812 годъ видно, что изъ общаго числа 5950-ти состоявшихъ тогда на службѣ сибирскихъ линейныхъ казаковъ нижняго званія грамотныхъ было 745 человѣкъ; изъ 43-хъ офицеровъ, за исключеніемъ одного, всѣ были грамотные, съ знаніемъ многими изъ нихъ алгебры и геометріи и черченія плановъ.

Замѣчательно уваженіе съ какимъ относились въ то время, въ средѣ здѣшняго казачества къ образованію, не только высшіе его представители, но и всѣ мало-мальски выдѣлившіеся изъ народной

неграмотной среды люди. Просматривая послужные списки казачьихъ офицеровъ, начала текущаго столѣтія, поражаешся тою старательностью, съ которой отмѣчается въ этихъ спискахъ всякое малѣйшее свѣдѣніе, могущее показать хотя бы самую слабую прикосновенность того или иного изъ офицеровъ къ наукѣ. Тщательность отмѣтокъ по этой части доходитъ въ нѣкоторыхъ изъ формуляровъ до смѣшнаго; напримѣръ про одного изъ офицеровъ въ его формулярѣ значится, что онъ въ числѣ прочей книжной мудрости знаетъ „Географію Россіи *до торговли*“; про другого пишется, что онъ превзошелъ ту-же науку „до сѣверной полосы“; третій знаетъ— „артиллерійскія записки первую главу“; четвертый усвоилъ алгебру „до пропорцій гармоническихъ“, „россійскую грамматику до спряженій“ и т. п. Противъ нѣкоторыхъ значится, что они знаютъ „науку сельскаго хозяйства и гражданскую архитектуру“. Чаще всего у лицъ прошедшихъ войсковое училище отмѣчается знакомство ихъ съ ариѳметикою, алгебрею, геометріею, тригонометріею и практикою (т. е. топографіею или геодезіей). Особенно цѣнилось умѣніе чертить рисовать и иллюминовать планы и разнаго рода техническіе чертежи. Отмѣтки: — „черченію ситуаціи перомъ, черченію и иллюминованію артиллерійскихъ и фортификаціонныхъ плановъ, искусствамъ рисованія рейсфедеромъ и кистью знаетъ“ — встрѣчаются весьма часто. Противъ офицеровъ, не проходившихъ школьнаго ученія, писалось обыкновенно, что они—„россійской грамотѣ читать и писать умѣютъ, *по-киргизски говорятъ*“. Знаніе киргизскаго языка между офицерами этой категоріи, какъ и вообще между сибирскими казаками, очевидно, было очень распространено.

Сибирское пограничное начальство издавна умѣло пользоваться разнообразіемъ учебно-практической подготовки казацкаго офицерства и служилаго состава войска вообще. Не говоря о чисто военной службѣ и вооруженныхъ экспедиціяхъ казаковъ въ степь, что составляло, такъ сказать, спеціальное ихъ назначеніе, помянутое начальство съ неменьшимъ успѣхомъ пользовалось услугами и знаніями казаковъ и на болѣе мирномъ поприщѣ,—въ сноше-

ніяхъ съ киргизскими ордами, въ разлѣдкахъ о томъ, что дѣлается въ степи и за границей, въ изслѣдованіяхъ топографическихъ, естество-историческихъ и проч. Одинъ голый перечень именъ и главнѣйшихъ командировокъ казаковъ съ сказанными цѣлями, можетъ уже дать понятіе о той видной роли участія, какая выпала на долю западно-сибирскихъ казаковъ въ обширной области землеизслѣдованія вообще и изученія Азіятской Россіи въ частности. Не говоря пока о XVII и XVIII столѣтіяхъ, которыя составятъ спеціальную задачу послѣдующаго изложенія настоящаго труда, — замѣтимъ, что уже одна первая половина текущаго столѣтія можетъ дать богатый матеріалъ для описанія степей и Средней Азіи, по даннымъ, доставленнымъ казаками, изслѣдовавшими эти страны въ означенное время.

Вспомнимъ посольство въ Ташкентъ здѣшняго „въ минералогіи свѣдущаго“ казачьяго атамана *Телятникова* въ 1797 году и вызванную имъ научную командировку туда же въ 1800 году Бурнашева и Поспѣлова съ казаками. Поѣздку въ Кульджу въ 1804 году пренодчика *Безносикова*, составившаго весьма обстоятельный маршрутъ своего слѣдованія въ названный городъ. Командировку туда-же въ 1811 году другого сибирскаго казака — переводчика *Путинцева*, составившаго весьма обстоятельное описаніе пройденнаго имъ пути и всего при этомъ видѣннаго и слышаннаго, съ картою всего пути. Путешествіе въ Бухару въ 1813—1814 г. переводчика *Назарова* въ сопутствіи нѣсколькихъ казаковъ съ сотникомъ *Безпалковымъ* во главѣ, представившихъ также крайне любопытный отчетъ о нынѣшнемъ состояніи киргизскихъ степей и средне-азіятскихъ ханствъ. Поѣздку съ торговымъ караваномъ въ Кашгаръ переводчика *Бубенова* въ 1814 году въ сопутствіи нѣсколькихъ казаковъ съ сотникомъ *Сварковымъ* во главѣ, также представившихъ обстоятельный маршрутъ своего путешествія и описаніе ледниковъ Тянь-Шаня. Странствія по киргизскимъ степямъ горныхъ учениковъ аптекарей въ 1815—1816 г. подъ руководствомъ вѣдѣвшаго и изслѣдовавшаго тѣ степи во всевозможныхъ направленіяхъ доктора *Небольсина*.

116908.

Рекогносцировки и научно-дипломатическія командировки казачьихъ офицеровъ и отрядовъ внутри степи, въ 20-хъ годахъ этого столѣтія при открытіи такъ называемыхъ внѣшнихъ округовъ, подъ руководствомъ тогдашняго просвѣщеннаго войсковаго атамана *Броневскаго*, оставившаго совмѣстно съ своими офицерами нѣсколько (частью напечатанныхъ) записокъ и замѣтокъ о степи, ея достопримѣчательностяхъ и жизни и хозяйствѣ тогдашнихъ казаковъ. Чрезвычайно интересную поѣздку въ Ташкентъ и Коканъ въ 1829 году, подробно описанную съ приложеніемъ маршрутной карты пройденнаго пути Хорунжаго *Потанина*, отца современнаго намъ знаменитаго сибирскаго казака-землеизслѣдователя Сотника Г. Н. Потанина. Труды сибирскихъ казаковъ-топографовъ въ извѣстной ученой экспедиціи въ степи въ 1832 году Бутовскаго и въ послѣдующихъ степныхъ экспедиціяхъ, какъ научнаго, такъ и военнаго характера. Укажемъ на съемки Голодной степи казака-топографа *Бородина*; участіе въ съемкахъ экспедиціи Чихачева на Алтаѣ — *Бонрскаго*; съемки *Башнова* въ зимнюю экспедицію академика Миддендорфа къ Сѣверо-Восточному краю Сибири; съемки *Брутякова* на Амурѣ; съемки и описанія озеръ: Зайсана, Балхаша и Иссыккуля — *Пифаньева* и многихъ другихъ топографовъ-казаковъ, менѣе извѣстныхъ, но тѣмъ или иначе вложившихъ свой крупицы въ сокровищницу науки землевѣдѣнія. Упомянемъ о поѣздкѣ въ киргизскую степь и описаніи ея *Е. И. Старковымъ* (сыномъ помянутаго выше сотника Старкова, бывшаго въ 1814 году въ Кашгарѣ). Возлагаемъ должное еще болѣе замѣчательной дѣятельности Е. И. Старкова, какъ видимаго изъ ряда преподавателя Географіи въ Сибирскомъ казачьемъ корпусѣ, съумѣвшаго заинтересовать своихъ учениковъ этою наукою, полюбить ее и образовать цѣлую плеяду замѣтныхъ дѣятелей въ области землевѣдѣнія. Помянемъ въ числѣ этихъ учениковъ киргиза Чокана *Валиханова* (числившагося временно въ рядахъ сибирскаго казачьяго войска), путешественника въ Кашгаръ; путешественника въ тѣ-же Кашгаръ и Кульджу *Рейнталя* (поручика артиллеріи Сибир. каз. войска); Хорунжаго нынѣ протоіе-

рея *Путинцева*, извѣстнаго въ духовной литературѣ и нѣкоторыми печатными своими трудами въ области изслѣдованія киргизскихъ степей; Войсковаго Старшину *Усова*—статистика-изслѣдователя и историка Сибирскаго войска; наконецъ, знаменитаго землеизслѣдователя и ученаго путешественника по киргизскимъ степямъ, Китаю и Монголіи, Сотника Г. Н. *Потанина*, разнообразные ученые труды которого по землевѣдѣнію извѣстны всякому, сколько либо причастному къ этой наукѣ, человѣку. Умолчимъ, пока, о прочихъ современныхъ намъ сибирскихъ казакахъ—дѣятеляхъ въ области географіи. Продолжая, если позволятъ обстоятельства, посвятить трудамъ сибирскихъ казаковъ въ этой области, особую книгу о географическихъ изслѣдованіяхъ въ теченіе XIX столѣтія, мы скажемъ болѣе подробно объ этихъ современникахъ, наравнѣ съ многими другими казаками, о которыхъ въ только что приведенномъ перечнѣ не упомянуто. Не говоримъ, пока, и о трудахъ простыхъ рядовыхъ казаковъ въ качествѣ проводниковъ и переводчиковъ при ученыхъ развѣдчикахъ-офицерахъ и всякаго рода путешественникахъ; про казаковъ конвоировъ, развѣдчиковъ, охотниковъ, коллекторовъ, чучельниковъ; про казаковъ иллюстраторовъ, напримѣръ—*Миклашевскаго*, *Батаржевскаго*, *Сусорова*, *Маркелова*, *Деятова* и многихъ другихъ, необычайно обильными и разносторонними показаніями и изображеніями которыхъ переполнены печатные труды и отчеты многихъ ученыхъ изслѣдователей степей, горъ и народовъ Средней Азіи. Имя этимъ рядовымъ пособникамъ науки—легіонъ.

Съ неменьшимъ, если не сказать съ большимъ усердіемъ, чѣмъ только что помянутые землеизслѣдователи-казаки нашего столѣтія, подвизались на поприщѣ географіи и ихъ предшественники XVII и XVIII столѣтій. Правда, отчеты ихъ и описанія пройденныхъ странъ не столь подробны и научны какъ у первыхъ, карты-же и чертежи не выдерживаютъ никакого сравненія, а географическій раіонъ ихъ изысканій (если не считать сосѣдняго намъ Потанина) значительно шире и какъ топографически, такъ и климатически разнообразнѣе. Не будемъ говорить о зем-

лепроходцахъ-открывателяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ завоевателяхъ Восточной Сибири; это не входитъ въ задачи настоящаго труда. Кто не слыхалъ объ открытіяхъ и приключеніяхъ *Пояркова*, *Хабарова*, *Бузы*, *Дежнева*, *Стадухина*, *Атласова*, *Анциферова* и другихъ занимателей необъятныхъ пространствъ къ востоку отъ Енисея? Донесеніями ихъ о пройденныхъ странахъ, а еще болѣе о вооруженномъ подведеніи тѣхъ странъ подъ высокую царскую руку, переполнены цѣлые томы „Актовъ Историческихъ" и сборниковъ ученыхъ и неученыхъ разсказовъ о подвигахъ русскихъ людей въ далекихъ странахъ. Ограничиваясь болѣе скромною задачею обзора русскихъ изслѣдованій въ Средней Азіи, киргизскихъ степяхъ и сѣверномъ Китаѣ, мы напомнимъ здѣсь о болѣе скромныхъ, но въ смыслѣ услугъ собственно географіи, несравненно болѣе почтенныхъ дѣятеляхъ, каковы были напримѣръ: первый изъ русскихъ путешественниковъ, посѣтившихъ въ 1616 г. Сѣверо-Западную Монголію и описавшихъ свои странствія — Тарскій казачій атаманъ Василій *Тюменецъ* съ десятникомъ Иваномъ *Петровымъ*; первый изъ русскихъ людей, пробравшихся чрезъ пустыни Гоби во Внутренній Китай (1618—1620 г.) Тобольскій казакъ Иванъ *Петлинъ* съ Андреемъ *Мундовымъ* и другими „товарищи"—чрезвычайно интересно и обстоятельно (по тому времени) описавшій свой длинный путь и всё видѣнное и слышанное при этомъ; Тарскій казачій атаманъ Гроза *Иванъ*, съ боярскимъ сыномъ Дмитріемъ *Черкасовымъ*, двукратно посѣтившіе въ 1624—1626 г. и описавшіе Ямышь озеро и верхній Иртышь, до нынѣшней станицы Семіярской, и привезшіе оттуда алебастръ. Боярскій сынъ Петръ *Сабанскій* съ атаманомъ *Дорофѣевымъ*, двукратно проникавшіе съ томскими казаками въ 1633—1642 г. къ сліянію рѣкъ Біи и Катуни, открывшіе при этомъ Телецкое озеро и описавшіе его и окрестныхъ обитателей. Дѣти боярскіе *Гречаниновъ* и *Старковъ* съ томскими атаманами и казаками, неоднократно, начиная съ 1623 года, проникавшіе въ Сѣверо-Западную Монголію къ тамошнимъ Алтынъ-Ханамъ въ качествѣ русскихъ посланцевъ и обстоятельно описавшіе все ими

видѣнное и слышанное въ тамошнихъ странахъ. Тарскій боярскій сынъ Ѳедоръ *Байковъ*, съ тарскими казаками проѣхавшій въ 1654 году и описавшій свой путь отъ Тары по Иртышу къ озеру Норъ-Зайсану и далѣе по Монголіи во внутренній Китай и Пекинъ. Послѣдователи Байкова — казаки *Малининъ* и *Перфальевъ*, одинъ за другимъ проникающіе въ Китай по тѣмъ же путямъ. Многократныя казацкія экспедиціи вверхъ по Иртышу къ Зайсанъ озеру въ теченіе всего XVII столѣтія. Посольство въ 1691 году изъ Тобольска къ киргизъ кайсацкому хану Тавкѣ въ Туркестанъ сына боярскаго Андрея *Непринцова*, съ казакомъ Васильемъ *Кобяковымъ*. Вторичное посольство туда-же въ 1694 году казаковъ Ѳедора *Скибина* и Матвѣя *Трошина*, подробно описавшихъ свое крайне интересное странствіе черезъ знаменитую киргизскую степь къ Туркестану и отсюда черезъ Бухару и Хиву на Яикъ, Волгу и оттуда, чрезъ Уфу, обратно въ Тобольскъ. Наконецъ, глубоко интересные въ географическомъ и историческомъ отношеніи труды тобольскихъ боярскихъ дѣтей Семена *Ремезова* съ сыновьями Семеномъ, Леонтьемъ, Иваномъ и Петромъ, составившихъ: извѣстную „Ремезовскую“, „Тобольскую“ или „Краткую Кунгурскую Сибирскую Лѣтопись“, служащую до сихъ поръ главнѣйшимъ источникомъ для изученія начальнаго занятія Сибири русскими, и „Чертежную книгу Сибири“ или атласъ съ 23 картами и планами, представляющій собою родъ географической энциклопедіи или свода всего, что къ концу XVII стол. знали русскіе люди о Сибири, киргизскихъ степяхъ и Средней Азіи, по изысканіямъ сибирскихъ служилыхъ и неслужилыхъ людей всякаго званія.

Въ XVIII столѣтіи нельзя не отмѣтить двукратныхъ походокъ внутрь Джунгаріи въ 1713 и 1720 г.г., въ качествѣ посла къ тогдашнему Контайшѣ, тарскаго казацкаго головы Ивана *Чередова*, подробно имъ описанныхъ въ донесеніяхъ начальству. Путешествіе въ 1714—1716 г.г. изъ Тобольска въ Сѣверный Тибетъ къ прославленному нынѣ путешествіями Н. М. Пржевальскаго озеру Куку-Норъ и въ страну Тангутовъ тобольскаго слу-

жилаго дворянина *Трушникова* съ казаками. Двѣ посольскихъ же поѣздки внутрь киргизскихъ степей въ 1716 —1717 г.г. къ тогдашнимъ киргизскимъ ханамъ Канну и Абулхаиру боярскихъ дѣтей *Бѣлоусова* и *Брянцева* съ казаками. Изслѣдованія озера Норъ-Зайсана и Чернаго Иртыша въ 1719 г. *Колмаковымъ*, *Урасовымъ* и *Сомовымъ*. Посольство къ Аблай-хану Сотника *Ерофеева* въ 1745 году. Поѣздка на рѣку Бухтарму къ китайскимъ пограничнымъ пикетамъ Сотника *Волошанина* въ 1769 г. и его-же замѣчательная поѣздка внутрь Семирѣчья и въ Кульджу въ 1771 году, весьма подробно, интересно и обстоятельно описанная имъ въ путевомъ журналѣ. Наконецъ, минералогическая поѣздка въ киргизскія степи въ 1789 году атамана *Телятникова* и его-же помянутое выше посольство въ тѣхъ же цѣляхъ изысканія рудныхъ богатствъ въ Ташкентѣ въ 1797 году.

Не говоримъ о болѣе подчиненныхъ или второстепенныхъ и третьестепенныхъ роляхъ, которыя занимали западно-сибирскіе казаки въ качествѣ проводниковъ, переводчиковъ, охотниковъ, конвоировъ и развѣдчиковъ при посольствахъ и ученыхъ экспедиціяхъ въ киргизскія степи, Джунгарію и Китай: *Спафарія* въ 1675 году, *Юдина* въ 1691 году, *Лихарева* на Черный Иртышъ въ 1719 году; *Унковскаго* и *Урюмова* въ Джунгарію въ 1723—1732 г.г.; *Миллера* въ его странствіяхъ по Сибири и къ Аблай-Кетскимъ палатамъ; *Зеленаго*—на Зайсанъ; *Фалька*, *Палласа*, *Сиверса* въ ихъ путешествіяхъ по Сибири и многихъ другихъ, менѣе извѣстныхъ. Не упоминаемъ, пока, и о массѣ мелкихъ поѣздокъ въ приграничныя и заграничныя страны западно-сибирскихъ казаковъ, дѣтей боярскихъ, служилыхъ сибирскихъ дворянъ и вообще служилыхъ людей „нерегулярнаго казацкаго строя“ и ихъ словесныя и письменныя показанія въ качествѣ промышленниковъ, развѣдчиковъ, плѣнныхъ и вообще „бывальцевъ“ и т. д.

Задача настоящаго труда—струнировать, по возможности, и привести всѣ эти мелкія и крупныя поѣздки и экспедиціи, краткія и пространныя, словесныя и письменныя показанія сибирскихъ

служилыхъ людей, въ болѣе или менѣе систематическій порядокъ и попытаться на основаніи ихъ воспроизвести если не одну общую, то нѣсколько частныхъ картинъ состоянія южной части Сибири, киргизскихъ степей, Средней Азіи и сѣв.-зап. Монголіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Источниками, изъ которыхъ извлекались данныя о поѣздкахъ и развѣдкахъ всѣхъ названныхъ и неназванныхъ еще боярскихъ дѣтей и казаковъ-изслѣдователей, какъ и самые писанные ихъ отчеты, служили частью уже появившіяся въ свѣтъ болѣе или менѣе извѣстныя и неизвѣстныя рѣдкія изданія, помянутыя ниже въ выноскахъ, а частью (преимущественно при описаніи событій XVIII столѣтія), архивныя дѣла, рукописи и карты, которыми авторъ имѣлъ возможность пользоваться, занимаясь въ Императорской публичной библіотекѣ, библіотекахъ Императорскаго Географическаго Общества и Главнаго Штаба, въ Ученомъ архивѣ тогоже Штаба, въ архивѣ Главнаго Управленія казачьихъ войскъ, въ Московскихъ архивахъ: Главнаго Штаба, Министерства Иностранныхъ дѣлъ и мѣстныхъ западно-сибирскихъ архивахъ города Омска: бывшаго Главнаго Управленія Западной Сибири, Областнаго Правленія, бывшаго Корпуснаго Штаба отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, Войсковаго Хозяйственнаго Правленія Сибирскаго казачьяго войска и др.

Чувствительные пробѣлы, равно какъ и односторонность показаній и изслѣдованій казаковъ-современниковъ описываемыхъ эпохъ, восполнялись, по возможности, историко-географическими изслѣдованіями позднѣйшихъ или современныхъ намъ сибирскихъ казаковъ и собранными ими печатными и непечатными матеріалами, относящимися къ здѣшнему краю — каковы: труды Полковника О. И. Усова, Есаула Н. Г. Путинцева и, главнымъ образомъ, изслѣдованія и матеріалы извѣстнаго ученаго географа-натуралиста Сотника Г. Н. Потанина. Вообще авторъ настоящаго изысканія старался соединить или покрайней мѣрѣ намѣтить и по возможности обобщить въ краткомъ изложеніи, все то, что сибирскіе служилые люди вообще и западно-сибирскіе

казаки въ частности, въ теченіе своей трехсотлѣтней службы Престолу и Отечеству, такъ или иначе, съумѣли внести въ сокровищницу науки землевѣдѣнія, включивъ въ то число и свои (автора) собственныя историко-географическія изысканія, ибо и авторъ настоящаго труда по своему происхожденію и службѣ также принадлежитъ къ числу западно-сибирскихъ казаковъ.

Г. Катанаевъ.

г. Омскъ,
30-го Августа
1892 г.

ГЛАВА I-я.

УТВЕРЖДЕНІЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ ВЪ СИБИРИ И ПЕРВЫЕ ШАГИ ВГЛУБЬ КУРГИДИНСКИХЪ И ЖЕЛИЗКО-ТОБОЛЬСКИХЪ СТЕПЕЙ.

Заложеніе города Тары и военныя экспедиціи противъ Кучума вверхъ по Иртышу за р. Омь и чрезъ Барабу на Обь.—Мѣсто послѣдней битвы съ Кучумомъ.—Царство Кучума.—Мѣста тогдашнихъ кочевокъ ногаевъ и казачьей орды.

Заложеніе города Тары въ 1594 году можно считать первымъ шагомъ русскихъ вглубь Средней Азіи, хотя несомнѣнно, что и до того времени мы проникали не только до этого пункта, но и далѣе вверхъ по Иртышу, ибо уже въ указѣ о строеніи того-же Тарскаго города, между прочимъ, говорится—„взять на расходъ [illegible] 70 [illegible] соли и къ тому [illegible] новаго города на Тарѣ на озеро Ямышъ и велѣть соли привезти на стругѣхъ“[1]); то есть говорилось о посылкѣ за 700 верстъ [illegible] г. Павлодару, какъ о дѣлѣ совершенно возможномъ и въ мѣстность достаточно хорошо извѣстную.

Основаніе Тары. [illegible] образомъ будущій Царь и устроитель Сибири Борисъ Годуновъ, [illegible], задавалось весьма широкими планами, а именно: *во-первыхъ*, какъ [illegible] Тарскимъ воеводамъ—„Кучума Царя въ конецъ истѣснить“, т. е. покончить съ этимъ неспокойнымъ властителемъ сибирскихъ [illegible], не жалѣющимъ [illegible] здѣсь русской власти, не смотря на то, что къ этому времени въ Сибири были заложены уже Тобольскъ, Тюмень, Пелымъ, Березовъ, Мангазѣя, Сургутъ; *во-вторыхъ*—[illegible] торговлю и [illegible] съ народами тогдашней южной Сибири и Средней Азіи, для чего заключалось: „[illegible] Бухарскіе и Ногайскіе купцы пріѣдутъ въ городъ Тару съ товарами, [illegible] и [illegible], то [illegible] жителямъ вѣдать съ ними свободный торгъ, [illegible] съ ними дружески, привлекать ихъ черезъ то къ себѣ и по про-

[1]) *Миллеръ*. Описаніе Сибирскаго царства. С.-Петербургъ, 1750 г.

дажѣ товаровъ отпускать ихъ безпрепятственно. Ежели-же которые изъ нихъ пожелаютъ ѣхать съ товарами своими и со скотомъ въ Тобольскъ или Тюмень, то сіе имъ тоже дозволять[1])"; *втретьихъ*—открыть ближайшія посольскія сношенія съ вліятельнѣйшими изъ владѣльцевъ средне-азіятскихъ странъ—„принимая (ихъ) пословъ въ Тарѣ надлежащимъ образомъ, выслушавъ ихъ предложеніе, писать въ Москву, а ихъ самихъ отпускать назадъ въ ихъ землю"[2]). Съ другой стороны, какъ видно изъ помянутаго предложенія о посылкѣ струговъ за солью на Ямышъ озеро (гдѣ изстарина уже существовалъ родъ ярмарочнаго обмѣна товаровъ сѣвера и юга), правительство наше открывало и русскимъ людямъ широкое поле дѣятельности въ этомъ направленіи.

Дѣйствительно, Тарѣ суждено было, если не вполнѣ, то въ большей части, особенно въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка, выполнить намѣченныя ей широкія правительственныя задачи.

Первое, за что принялись тарскіе воеводы,—это по цареву указу „Кучума Царя истѣснять", благо онъ самъ, заслышавъ о намѣреніи русскихъ продолжать наступательное движеніе вверхъ по Иртышу, выступилъ къ нимъ навстрѣчу, пославъ впередъ сына своего Алея, въ населеннѣйшую изъ близкихъ къ русскимъ татарскихъ волостей Ялынскую, съ цѣлью отведенія ея съ наступательнаго пути русскихъ, въ ближайшее свое вѣдѣніе.

Изъ росписи, приложенной къ наказу первому Тарскому воеводѣ князю Андрею Васильевичу Елецкому, видно, что ближайшею къ Тобольску по Иртышу ясачною волостью въ четырехъ дняхъ пути была волость Курдакская съ княземъ Конкуломъ во главѣ и населеніемъ въ 350 платежныхъ душъ. Далѣе, въ восьми дняхъ отъ Тобольска, на Иртышѣ располагалась волость Сортай, съ княземъ Янышемъ и 80-ю душами ясачниковъ. Еще далѣе—въ двухъ дняхъ пути—волость Отузъ, всего съ 15-ю ясачными; въ двухъ дняхъ отъ нея вверхъ по Иртышу—волость Тава съ 10-ю ясачниками; волость Урусъ съ 6-ю человѣками; Токузъ—съ тремя; Супра и наконецъ въ 15-ти дняхъ пути отъ Тобольска Аялы съ

[1]) *Фишеръ.* Сибирская Исторія. С.-Петербургъ, 1774 г.
[2]) *Фитеръ.* Сибирская Исторія.

500-ми жителей, платившихъ ясакъ частью русскимъ, а частью Кучуму. Въ этой-то волости и велѣно было возвести г. Таръ на рѣкѣ Тарѣ.

Устроившись, вмѣсто оказавшагося неудобнымъ для заселенія устья р. Тары, на р. Архаркѣ, но назвавъ новый городъ всетаки, какъ предписывалось, Тарою, князь Андрей Елецкій немедленно же отправилъ вверхъ по Иртышу развѣдчиковъ провѣдывать гдѣ стоитъ Царь Кучумъ и куда откочевала большая часть ялпинскихъ татаръ. Развѣдчики эти были: Гриша *Ясыръ* съ 90 товарищами тюменскими и тобольскими казаками и литвою. Возвратившись въ Тару 30-го декабря съ 23-мя плѣнными ялпинцами, они объявили, что ходили вверхъ по Иртышу въ „малогородскія" волости (т. е. нужно думать въ малогородныя или малолюдныя волости, въ родѣ только что помянутыхъ Суринской, Токузской, Урусской и др.) — „до Вузюковы деревни, что на Вузюковѣ озерѣ, и тѣ всѣ татарове на томъ озерѣ *ловятъ рыбу на Кучума Царя*..." Перебивъ часть этихъ татаръ, казаки подъ пыткою допросили остальныхъ и дознали при этомъ, что — „какъ де послышалъ Кучумъ Царь что идутъ наши воеводы съ воинскими людьми вверхъ по Иртышу до Ялы, города ставить, и онъ Кучумъ Царь прислалъ къ нимъ сына своего Алея и велѣлъ ихъ всѣхъ забрати къ себѣ и Алей собралъ ялпинскія волости татаръ сто-пятьдесятъ человѣкъ и отвелъ ихъ вверхъ по Иртышу на *Черный островъ*, и тутъ де они на Черномъ острову поставили *городокъ*, и въ томъ городкѣ зимуютъ; да съ ними-жъ малогородцевъ 50 человѣкъ... и ловятъ приходя на Вузюковѣ озерѣ рыбу на Царя и посылаютъ къ Царю Кучуму; а отъ Царя къ нимъ люди пріѣзжаютъ ежедень; а Царь де Кучумъ стоитъ вверхъ по Иртышу *между двухъ рѣчекъ* одержуся *тельмамы*, за Обь рѣкою, нѣшимъ ходомъ дняка съ два; а хожу до Кучума отъ ихъ городка отъ Черного острова, *пѣшими* людьми не скорымъ ходомъ *днищъ съ пять или шесть*[1])".

Узнавши гдѣ находятся бѣглые ялпины и самъ Кучумъ, князь Елецкій, снарядилъ на поискъ за ними отрядъ въ 276 человѣкъ

[1]) *Миллеръ*. Описаніе Сибирскаго царства.

разнаго рода служилыхъ людей подъ начальствомъ головы Бориса *Доможирова*, казацкаго атамана Казарина *Волгина* и двухъ стрѣлецкихъ сотниковъ. Отрядъ этотъ немедленно-же лыжнымъ ходомъ бросился къ зимовью на Черномъ островѣ, разорилъ его, выжегъ и нагнавъ немногихъ спасшихся было отъ погрома бѣглецовъ, возвратился въ Тару съ 23-мя плѣнными кучумовцами.

Въ слѣдующемъ 1595 году въ мартѣ мѣсяцѣ, произведенъ былъ новый поискъ съ 183-мя служилыми людьми во главѣ съ тѣмъ-же Доможировымъ и головою *Руносовымъ*, въ волостяхъ Чушулу, Лугуй, Турашъ, Тереня и др., признававшихъ до сего власть *Ногайскаго мурзы Алея*[1]). Слѣдствіемъ этого втораго поиска было признаніе названными татарскими волостями власти русскихъ, съ уплатою установленнаго ясака въ Тару и выбѣгъ на Тару-же матери извѣстнаго плѣннаго царевича Маметкула съ мурзою Чиномъ и тридцатью другими ближними къ нимъ татарами[2]).

Второй Тарскій воевода, смѣнившій Андрея Елецкаго въ 1595 году, Ѳедоръ Елецкій-же, успѣшно продолжалъ дѣло своего предмѣстника. Во главѣ съ 467-мью человѣками служилыхъ людей, ему удалось въ 1596 году настигнуть, повидимому, самого Кучума въ городкѣ *Тунузѣ*, разбить его и взять городокъ; хотя Кучумъ и здѣсь, какъ нѣсколько разъ ранѣе сего, спасся бѣгствомъ[3]).

Въ 1598-мъ году мы видимъ Кучума кочующимъ на *Черныхъ водахъ* (несомнѣнно на рѣчкѣ Кара-сукъ въ Кулундинской степи), по прежнему будирующимъ противъ русскихъ и отводящимъ отъ нихъ цѣлыхъ семь волостей на Обь рѣку. Московское правительство требуетъ отъ тарскихъ воеводъ энергическаго преслѣдованія врага. Согласно этого требованія, второй (т. е. младшій) Тарскій воевода Андрей *Воейковъ*, 4-го августа того-же года выступаетъ розыскивать Кучума съ однимъ татарскимъ головою, двумя атаманами, тремя боярскими дѣтьми и до 400 казаковъ, литвы и пр. служилыхъ людей. Отъ 4-го сентября онъ доносилъ въ Москву:

[1]) Повидимому старшаго сына Кучума Алея, женатаго на Ногайской княжнѣ.

[2]) *Миллеръ*. Царскій указъ Долгорукову отъ 26-го іюля 7103 года.

[3]) *Буцинскій*. Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ. Харьковъ. 1889 г.

„И августа Государь въ 10-й день посылалъ я холопъ Твой въ посылку сына боярскаго Илью Беклемишева да голову татарскаго Черкаса Олександрова въ волости для языковъ, которые волости отъ тебя Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи, *отвелъ Кучумъ Царь съ 106 году*, въ Турашскую и въ Любарскую волость. И августа въ 10-й день привели ко мнѣ изъ посылки"... лучшихъ людей, которые сказали на разспросѣ—„велѣлъ де имъ Кучумъ Царь всѣмъ волостнымъ лучшимъ людемъ Курницкимъ и Турашскимъ и Любарскимъ.... и Чойскимъ и Куромскимъ, жить на *Убы*...." (какъ поясненно будетъ ниже Убъ, озеро Убинское, въ Барабѣ).... „Кучумъ Царь кочуетъ.... *Черныхъ водахъ*, а въ собраньи дей съ Кучумомъ его людей 500 человѣкъ, да *Бухарскихъ торговыхъ людей 50 человѣкъ*. И я Государь по тѣмъ вѣстямъ пришолъ на Убъ озеро августа въ 15-й день, и на Уби озерѣ лучшихъ волостныхъ людей поималъ *которыхъ отвелъ отъ тебя*.... Кучумъ Царь въ прошломъ 106 году[1]; и въ разспросѣ мнѣ холопу Твоему лучшіе люди сказали про Кучума Царя: *пошелъ* дей Кучумъ Царь съ Черныхъ водъ на *Обь* рѣку, съ дѣтьми своими и со всѣми своими людьми гдѣ *у него хлѣбъ стоитъ*; а имъ дей велѣлъ жити на Уби озерѣ, а ясаку дей Тебѣ.... имъ давати не велѣлъ, а приказалъ де имъ беречъ своей волости Барабинскому лучшему человѣку Ескигильдею Тургуцдееву. И я холопъ твой лучшихъ волостныхъ людей поималъ.... И велѣлъ я холопъ Твой имъ жити *по своимъ старымъ юртамъ*; а въ Барабинскую, Государь, волость я холопъ твой послалъ сына боярскаго Илью Беклемишева да атамана Казарина Волынца. И августа Государь въ 16-й день привели ко мнѣ изъ Барабинскія волости.... трехъ лучшихъ людей и 15 ясачныхъ)—и въ распросѣ мнѣ холопу твоему и съ пытки Кучумовы люди (имена) сказали: Кучумъ дей Царь кочуетъ на Оби на рѣкѣ гдѣ у него хлѣбъ посѣянъ, а въ собраньи дей съ Кучумомъ Царемъ его людей 500 человѣкъ; а хочетъ дей пойдя

[1]) То есть въ 1598 году;—бумага Воейковымъ писана 4-го сентября 107 года, т. е. 4-го сентября 1598 г.; не нужно забывать, что въ то время новый годъ начинался съ 1-го сентября.

Кучумъ подъ твой Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳеодоровича всеа Русіи, городъ подъ Тару, и на Ялынскую и на Каурдацкую волость войною вскорѣ, да и Кучумовыхъ деи людей живетъ на Икѣ озерѣ[1]) семей съ тридцать не доходя Кучумова кочевья *четыре днища*. И я холопъ твой по тѣмъ вѣстямъ послалъ на Икъ озеро дѣтей боярскихъ (имена) да татарскую голову (имя) а съ ними (100 человѣкъ) казаковъ и служилыхъ татаръ. И (они) Кучумовыхъ людей на Икѣ озерѣ сошли и побили, а живыхъ привели ко мнѣ пять человѣкъ. (которые показали:) Кучумъ деи Царь кочуетъ на Оби рѣкѣ, а по нихъ деи присылалъ, чтобъ они шли къ нему собраны, а хочетъ деи Кучумъ Царь идти подъ городъ подъ Тару, и на Ялынскую и Каурдацкую волость войною вскорѣ; а иные деи Кучумови люди кочуютъ отъ Кучумова кочевья въ *днищѣ* и *въ дву* днищахъ семей съ двадцать. И я холопъ твой послалъ дѣтей боярскихъ Моѳея Глѣбова да Ѳедора Лопухина да съ ними тарскихъ конныхъ казаковъ да тарскихъ юртовскихъ татаръ, а велѣлъ имъ на Кучумови люди приходити ночью чтобъ ихъ съ вѣстью къ Кучуму Царю не упустить. И (они) Кучумовыхъ людей которые кочевали отъ Кучума въ днищѣ и въ дву днищахъ побили на голову ни одного человѣка къ Кучуму съ вѣстью не упустили. А самъ я Государь покинул кошъ на Икѣ озерѣ и пошелъ на Кучума Царя косвѣхъ и день и ночь и станъ Кучума Царя на Оби рѣкѣ *выше Чатъ три днища* на лугу на *Ормена* (т. е. на Ирмени) отъ *Калмаковъ въ дву днищахъ*. И пришелъ Государь я холопъ твой на Кучумъ Царя въ 20-й день, на солнечномъ восходѣ и бился съ Кучумъ Царемъ до полдень; и Божіимъ милосердіемъ и твоимъ Государевымъ (имя) счастіемъ Кучума царя побилъ, а дѣтей его царевичевъ и царицъ его поималъ и брата Кучумова" . . . и т. д.[2]).

Изъ росписи, приложенной къ донесенію Вокйкова, видно, что при окончательномъ пораженіи Кучума на Оби, были взяты пять

---

[1]) Вѣроятно слѣдуетъ читать не Икъ, а Итъ—озеро, или полное названіе Итъ-куль, т. е. Собачье озеро, находящееся въ барабѣ.

[2]) *Акти Историческіе*. Т. 2. Отписка Царю Борису Ѳедоровичу Тарскаго воеводы Андрея Вокйкова отъ 4-го сентября 1598 года.

его сыновей съ Асманакъ царевичемъ во главѣ, 8 кучумовыхъ женъ и 8 же дочерей; жена Алея съ сыномъ и дочерью— „да Канай царевича царица, Уруса *князя Ногайскаго* дочь, съ двумя дочерьми", не считая прочихъ лучшихъ и черныхъ людей.

Останавливаясь пока на этомъ въ изложеніи начальнаго занятія Сибири русскими людьми, мы позволимъ себѣ разобрать нѣсколько подробнѣе только что приведенныя выписки изъ донесеній и развѣдокъ воеводъ и пр. служилыхъ людей, въ цѣляхъ опредѣленія или возстановленія по нимъ раіона кочевокъ Кучума послѣ бѣгства его „съ курена" Егмакомъ и мѣстъ главнѣйшихъ событій въ исторіи борьбы этого замѣчательнаго сибирскаго царька съ русскими.

Совершенно правдоподобнымъ намъ представляется показаніе Тобольскаго сына боярскаго *Ремезова* (лѣтописца), что послѣ разбитія Кольцовымъ-Масальскимъ въ 1591 году въ Ишимской степи при озерѣ Чиликуль, Кучумъ „съ немногими татары и съ женами и съ дѣтьми своими... утече на калмытской рубежъ Ишима и Норъ-Ишима[1]), Оши[2]) и Кашышева[3]), между озеръ въ крѣпкія мѣста и ту живяше сокрытно и пакостяше русскимъ и ясачнымъ зелие по близу Тарскаго города.... Ту живя Кучумъ со своими до лѣта 105 (т. е. до 1597 г.) скитался". Множество татарскихъ названій озеръ, рѣкъ и разныхъ урочищъ въ предѣлахъ Тюкалинскаго и Ишимскаго округовъ, гдѣ теперь татаръ совсѣмъ не имѣется, показываетъ, что край этотъ въ давно преждебую старину былъ татарскимъ или ногайскимъ. До настоящаго времени сохранились и имѣются названій урочищъ,

[1]) Норъ-Ишимомъ въ старину назывался лѣвый притокъ р. Ишима Тересъ-Акканъ; а иногда и р. Нура, тутъ же по близости вливающаяся въ большое степное озеро Денгизъ или Кургальджинъ, а въ то время, очень вѣроятно, составлявшая еще притокъ рѣки Ишима; и чему и называлась Норъ-Ишимъ. Слѣды бывшаго сліянія этихъ двухъ рѣкъ существуютъ еще и теперь, ибо несомнѣнно что протокъ Кузу-Кочь, близъ г. Акмолинска, и теперь еще въ весеннее половодье, ежегодно соединяющій Нуру съ Ишимомъ, есть бывшее русло Нуры.

[2]) Оша—лѣвый притокъ Иртыша въ предѣлахъ Тюкалинскаго округа.

[3]) Бывшій лѣвый притокъ Иртыша, нынѣ цѣпь озеръ съ соединяющими ихъ протоками, тянущаяся по Горькой казачьей линіи вдоль южной границы Тобольской губерніи и сѣверной—Акмолинской.

рѣкъ, озеръ и волостей, о которыхъ упоминается въ только что названной лѣтописи и помянутыхъ выше донесеніяхъ тарскихъ воеводъ. Озеро „Вузюкъ“ или Изюкъ, на которомъ татары „рыбу для Кучума Царя ловили“, лежитъ близъ Иртыша, представляя его ерикъ или подковообразную заливную старицу, противъ деревни Изюкъ, сѣвернѣе Такмыкской слободы Тарскаго округа. „Чернымъ островомъ“, гдѣ заложено было зимовье бѣжавшими изъ подъ Тары кучумовичами, по всей вѣроятности, слѣдуетъ считать мѣстность или займище, лежащее по лѣвую сторону Иртыша въ странѣ черныхъ водъ, гдѣ на рѣчушкѣ Карасукъ (т.е. въ буквальномъ переводѣ съ татарскаго—черная вода) лежатъ невдалекѣ одна отъ другой—деревня Верхне-Карасукская, село Карасукъ и село Черно-озерное, Тюкалинскаго округа. Въ окрестностяхъ этого-же займища лежатъ озера - Лагуй, Терень, Ингалы съ селомъ Ингалинскимъ, напоминающія созвучіемъ названій разоренныя Доможиговымъ, Волинымъ и Рупосовымъ кучумовскія волости —Чунгулу, Терень и Лугуй. Южнѣе ихъ, а можетъ быть частью и восточнѣе, какъ по лѣвую, такъ и по правую сторону Иртыша, размѣщались болѣе многолюдныя Турашскія волости, подвѣдомственныя кочевавшему съ ногайцами царевичу Алею; а южнѣе ихъ за Омью, какъ видно изъ приведеннаго выше показанія Ясыря— „между дву рѣчекъ... пѣшимъ ходомъ днища съ два“ зимовалъ и самъ царь Кучумъ, нужно думать, между нынѣшними казачьими поселеніями Ачаиромъ и Атмасомъ[1]).

---

[1]) Въ настоящее время, какъ извѣстно, въ двухъ днищахъ къ югу отъ р. Омы никакихъ рѣчекъ не встрѣчается; но нѣтъ основаній отрицать, что эти рѣчки въ кучумовскія времена существовали, ибо, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, не только за триста, но и за 170 лѣтъ тому назадъ, по показаніямъ современниковъ, рѣчки эти еще были и вливались въ Иртышъ. Изъ дневника Уникевскаго, командированнаго въ 1723 году къ Джунгарскому контайшѣ, видно, что слѣдуя по правому берегу Иртыша отъ Омской крѣпости къ югу, онъ между нею и Желѣзинской крѣпостью (нынѣ казачья станица) на протяженіи не болѣе 200 верстъ, встрѣтилъ и перешелъ въ августѣ мѣсяцѣ черезъ пять рѣчекъ: Чайръ, Борщевку, Орлевку, Ахмасъ и Окулевку. Нынѣ ни одной изъ этихъ рѣчекъ не существуетъ, и только названіе первой изъ нихъ—Чайръ показываетъ, что она протекала близъ нынѣшняго поселка Ачаира, а Ахмасъ протекала въ мѣстности, гдѣ теперь расположенъ поселокъ Атмасскій.

Располагаясь невдалекѣ помянутыхъ зоримыхъ русскими татарскихъ волостей и имѣя съ ними сношенія „ежедень", какъ говорится въ показаніи Ясыря, Кучумъ, не смотря на постоянно терпимыя имъ неудачи въ столкновеніяхъ съ русскими, тѣмъ не менѣе, имѣлъ на все татарское населеніе громадное вліяніе. Не смотря на принятіе русскаго подданства, татары этихъ волостей, находясь ближе къ Кучуму, чѣмъ къ русской Тарѣ, больше слушались его, а не русскихъ. Въ 1597 году они, по его наущенію, покинули ранѣе насиженныя мѣста и, перейдя на Омь, двинулись вверхъ по этой рѣкѣ и Тарѣ, подальше отъ русскихъ, подъ водительствомъ повидимому самого Кучума или старшихъ сыновей его и „главнаго промышленника" Асманакъ-царевича. Откочевкѣ этой мало чѣмъ помѣшала и погоня за ними тарскихъ служилыхъ людей во главѣ съ княземъ Ѳедоромъ Елецкимъ и разбитіе кучумовцевъ въ Тунусѣ[1]). Остатки разбитыхъ волостей разсыпаются въ верховьяхъ рѣки Оми и по Барабинскимъ озерамъ; а самъ Кучумъ удаляется къ юго-востоку отъ большаго озера Чановъ въ Кулундинскую степь на р. Кара-сукъ (Черная рѣчка), или на „Черныя воды", какъ доносили воеводѣ Войякову казаки-развѣдчики, — гдѣ существовали невдалекѣ отъ рѣки Оби „на Ормени" кучумовы пашни.

Путь слѣдованія Войякова съ казаками и литвою въ рѣшительный походъ 1598 г. на Кучума, можно приблизительно намѣтить отъ города Тары вверхъ по Иртышу до рѣчки Тары, затѣмъ — вверхъ по этой рѣкѣ лѣвымъ ея берегомъ въ страну большихъ и малыхъ Барабинскихъ озеръ чрезъ рѣки Тартасъ, Ичу и Омь къ большому Убинскому озеру; отсюда къ Ить-кулю и не доходя до „Чагъ" (такъ называлась болотисто-лѣсистая мѣстность близъ нынѣшней Колывани въ низовьяхъ рѣки Чикъ, впадающей въ Обь), на юго-востокъ степью черезъ вершины р.р. Карасука и Чика на р. Ирмень, впадающую въ Обь съ лѣвой стороны. Тутъ на берегу Оби въ окрестностяхъ Ирменьскаго бора и нынѣшнихъ де-

[1]) Трудно въ настоящее время указать мѣсто нахожденія Тунуса. Существуетъ два притока рѣки Тары, носящихъ это названіе; имѣется также немало и озеръ именуемыхъ Тунусъ или Тѐнисъ.

ревень Луговой, Верхъ-Ирьменьки, Половинной и другихъ, противъ рѣчекъ Ельцовки и Атаманки съ деревнями Завьяловой и Атаманкой и произошла битва, рѣшившая участь Кучума Царя Сибирскаго. Это было 2-го августа 1598 г.

Намъ неизвѣстно существуютъ-ли въ той мѣстности какія либо преданія объ этой битвѣ и записаны-ли они кѣмъ-либо; если существуютъ, то желательно было-бы обратить на это обстоятельство должное вниманіе. Названія мѣстныхъ урочищъ—Атаманово, Ельцовка, Завьялова, быть можетъ, имѣютъ историческое происхожденіе, связанное съ пребываніемъ здѣсь тарскихъ служилыхъ людей, въ числѣ которыхъ были атаманы и казаки съ фамиліей Завьяловыхъ. По крайней мѣрѣ, исторически извѣстно существованіе тарскаго казацкаго головы Завьялова; а названіе рѣчки Ельцовки, быть можетъ, имѣетъ какую либо болѣе или менѣе близкую связь съ фамиліей первыхъ тарскихъ воеводъ князей Елецкихъ „въ конецъ истѣснившихъ" Царя Кучума и загнавшихъ его на Ирмень.

Но наѣзда Кучума ни въ числѣ плѣнныхъ, ни въ убитыхъ, Войковъ кинулся розыскивать его вверхъ и внизъ по Оби, по островамъ и за рѣкою. Въ донесеніи своемъ къ Царю Борису Ѳедоровичу по этому случаю онъ пишетъ: „А про Кучума Царя Государь, языки многіе сказываютъ что Кучумъ въ Оби рѣкѣ утонъ, а иные языки сказываютъ что Кучумъ въ суднѣ утекъ за Обь рѣку и я холопъ твой плавалъ на плотѣхъ за Обь рѣку со всею твоею Государя Царя и Великаго Князя... ратью и Кучумъ Царя за Обью рѣкою по лѣсомъ въ крѣпяхъ и по островамъ на Оби рѣкѣ искалъ и нигдѣ его не нашелъ".[1])

Пробывъ на мѣстѣ побоища пять дней и покончивъ съ остатками разбѣжавшихся по окрестностямъ кучумовцевъ, Войковъ съ отрядомъ своимъ и съ плѣнниками отправился обратно, боясь сосѣдства *калмыковъ*, собравшихся, по слухамъ, всего въ двухъ дняхъ пути южнѣе въ количествѣ до пяти тысячъ душъ. Не по-

[1]) Акты историческіе т. 2-й.—Отписка Войкова къ царю Борису Ѳедоровичу отъ 4-го сентября 1598 года.

жал онъ и на Чатъ, не будучи увѣренъ въ томъ, что найдетъ тамъ Кучума и боясь съ другой стороны быстраго наступленія грозной орды и чикалдыя сѣнъ, або отрядъ его снаряженъ быть не лѣтомъ. На Чатъ онъ отправилъ лишь одинъ изъ плѣнныхъ чуди съ товарищами приведенный въ вѣрности за вѣрность Царю, съ наказомъ развѣдывать про Кучума и, буде возможно, убѣждать его не боясь хурна ехать на Русь въ подданство Московскаго Царя. Изъ обратно. Вслѣдъ сказывъ отведанныхъ Кучумовъ лесныхъ татаръ и заповѣдавъ имъ идти обратно на прежнія кочевья, тутъ же на прощаніи случай стрѣлы такодѣйствовать отдушинкать. Стрѣлою мгновенія утрата, часть татаръ-сопровождающихъ возвратились въ Пруцку за Бояръ-ыцу и плѣнныхъ Кучумовой ясыкъ, часть объявили приключать въ отдушинахъ тоду (что и исполнили), часть же, колебаниять, тамъ и остались въ новыхъ вѣдомствахъ тоже бѣдъ, возчиверъ. Турашская инородческая волость, существующая и до сихъ поръ въ Барабѣ къ сѣверу отъ озера Чаны.

Такъ выстроилась начало или Ермакова покоренія завѣтнаго „Царства Сибирскаго". Собственно „вотчина" въ обще принятомъ смыслѣ, какъ видно уже изъ вышеизложеннаго, не существовало, або вольно можно перечислить обширныя лѣтожныхъ, малолѣсныхъ кочевьяхъ волостей, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ, быть можетъ между собою органической связи, за исключеніемъ одного наиболѣе важнаго, можно называемаго собъ платежъ дань отъ разрозненныя бродячей волости. Подобно туземное населеніе этого обширнаго царства, по ермаковскому разрѣшенію, размѣщалось по нижнему теченію рѣкъ Туры, Тобола и частью по Иртышу отъ впаденія въ нею Тобола до Тары. Все прочее пространство вверхъ по Иртышу до Оми и за Омью, по Барабѣ и Кулунде, равно какъ и верховья Ишима и Тобола составляли лишь область, большею частью, только лѣтнихъ кочевокъ тѣхъ-же татаръ и ногаевъ, сгруппированныхъ въ названныхъ прирѣчныхъ и озерныхъ мѣстностяхъ. Несомнѣнно, однако же, что духъ и власть татарщины парили на всей этой обширной площади: масса татарскихъ (ногай-

скихъ) названій рѣкъ, озеръ и другихъ урочищъ на отмѣченномъ пространствѣ, существующихъ еще и до настоящаго времени, (хотя на этихъ урочищахъ издавна живутъ уже исключительно русскіе люди), несомнѣнно это подтверждаетъ. Власть татарская или въ частности, Кучумовская распространялась и на еще болѣе слабыхъ народцевъ нетатарскаго племени, обитавшихъ въ низовьяхъ Иртыша и Оби.—остяковъ, вогуличей, пелымцевъ, кондинцевъ, платившихъ дань Кучуму[1]).

По исчисленіямъ изслѣдователя быта первыхъ русскихъ насельниковъ Сибири г. Буцинскаго[2]) къ концу описываемаго нами періода, въ раіонѣ бывшаго сибирскаго царства можно было насчитывать всего до 4000 душъ взрослыхъ ясачниковъ, тогда какъ предъ Ермаковымъ походомъ, по его мнѣнію, ихъ было по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше, т. е. до 40/т. душъ.

Послѣдняя цифра сорокъ тысячъ, при всемъ нашемъ уваженіи къ почтенному труду названнаго автора, кажется намъ преувеличенною. По исчисленіямъ русскихъ посланцевъ въ сибирское царство въ 1555 г. при Едигерѣ, здѣсь числилось „черныхъ", т. е. ясачныхъ, людей 30,700 душъ; едва ли она была больше и при Кучумѣ. Достаточно припомнить, что вся дружина Ермака, прошедшая изъ конца въ конецъ наиболѣе населенною частью сибирскаго царства состояла всего не болѣе какъ изъ 800—500 человѣкъ; а затѣмъ постепенно уменьшаясь, къ приходу царскихъ войскъ дошла всего до трехсотъ. Чѣмъ какъ не крайнею малочисленностью (не говоря о храбрости и совершенномъ пренебреженіи къ слабосильному непріятелю со стороны казаковъ) объяснить тѣ многочисленные факты, что напримѣръ въ самый разгаръ борьбы для присоединенія всѣхъ низовыхъ инородцевъ Ермакъ посылаетъ съ Брязгою всего 50 человѣкъ; или что тогда-же какихъ нибудь 20 казаковъ отваживаются безбоязненно выѣзжать на рыбную ловлю, засыпаютъ безъ караула и захватываются въ плѣнъ

[1]) См. о сѣверныхъ инородцахъ Кучумова царства статью *А. Оксенова* въ Томскихъ Губ. Вѣд. за 1888 г. «Сибирское царство до эпохи Ермака».

[2]) *Буцинскій*—«Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ». 1889 г. Харьковъ.

самимъ татарскимъ главнокомандующимъ Маметкуломъ; а въ походъ на Маметкула въ отмѣстку за это посылаются всего 62 человѣка, которые и захватываютъ въ плѣнъ этого грознаго воителя; для *огражденія* одного изъ сильнѣйшихъ мурзъ Карачи отъ нападенія ногайскихъ хищниковъ, отправляется атаманъ Кольцо всего съ 40 человѣками; навстрѣчу и для обороны Бухарскаго каравана, шедшаго по слухамъ изъ степи, Ермакъ за полтораста верстъ выходитъ всего съ 50-ю казаками и т. д. При всей несомнѣнной храбрости казаковъ и пренебреженіи къ непріятелю, такіе малолюдные поиски съ большими результатами, возможны только въ пустынѣ, какова Сибирь и главное ея мусульманское царство, въ дѣйствительности и были, какъ до прихода Ермака, такъ и послѣ его, во время борьбы съ кучумовичами первыхъ тобольскихъ, тюменскихъ и тарскихъ воеводъ. Несомнѣнно, что первымъ завоевателямъ этой громадной страны, приходилось бороться не столько съ людьми, сколько съ необъятными пространствами и суровою природою Сибири съ ея страшными морозами, буранами, сугробами снѣгу, громадными рѣками и рѣчками, непролазными болотами и тундрами, безпредѣльными степями, непроходимыми лѣсами, урманами и всякою бездорожицею.... Приходилось однимъ и тѣмъ-же людямъ дѣйствовать въ погонѣ за быстроходнымъ, трусливымъ, разбросаннымъ на громадномъ пространствѣ непріятелемъ—„и пѣше, и конно, и лыжно и стружно". Оставлять-же этого трусливаго и безсильнаго непріятеля безъ всякаго вниманія, не подводя подъ высокую царскую руку и не приводя къ шерти на вѣрность, было нельзя, ибо, по весьма мѣткому выраженію помянутаго боярскаго сына *Ремезова*—лѣтописца, этотъ непріятель—„*скрыто пакостяше* русскимъ и ясачнымъ зельне (зело)"—не давалъ ни воинскимъ, ни мирнымъ поселеніямъ и жителямъ, ни житья, ни покоя. Постоянно подкарауливая и набѣгая „воровски" то на пашни, то на луга, то на скотскіе табуны, то на рыбныя ловли и одинокихъ беззащитныхъ людей, проѣзжающихъ, женщинъ и дѣтей, то на отдѣльно стоящіе хутора и заимки, разоряя и сжигая ихъ до тла, сибирскіе кочевники держали первыхъ рус-

скихъ поселенцевъ въ постоянномъ страхѣ за свои животы. При такихъ невозможныхъ условіяхъ думать о культурномъ заселеніи страны и ея мирномъ развитіи было совершенно невозможно; нужно было во что бы то ни стало „извести“ врага или проучить настолько серьезно, чтобы онъ не смѣлъ „пакостить“. И служилые люди дѣйствительно изводили и учили пакостниковъ, неустанно гонялись за ними за сотни верстъ. Поискъ Войкова за Кучумомъ чрезъ Барабу и Кулунду до Ирмени, несомнѣнно долженъ занять весьма видное мѣсто въ длинномъ ряду подобныхъ-же поисковъ казаковъ за все время нашей борьбы съ сибирскими кочевниками. Пройдти съ отрядомъ въ 500 человѣкъ по степямъ и болотамъ съ переправою чрезъ множество болѣе или менѣе широкихъ рѣчекъ, на протяженіи не менѣе семисотъ верстъ, всего въ 16 дней, удавалось немногимъ изъ военачальниковъ; особенно если принять во вниманіе, что на всемъ этомъ пути отряду Войкова приходилось постоянно высылать разъѣзды и легкіе отряды на поискъ „языковъ“ и для захвата всѣхъ вѣстовщиковъ, которые могли-бы предупредить Кучума о походѣ русскихъ; что ему, какъ мы видѣли, и удалось въ полной мѣрѣ.

Судить о степени осѣдлости кучумовскихъ татаръ, по тѣмъ крайне скуднымъ даннымъ, которыя дошли до насъ, чрезвычайно трудно. По всей вѣроятности, быть ихъ весьма близко подходилъ къ быту нынѣшнихъ прирѣчныхъ киргизъ, имѣющихъ постоянныя болѣе или менѣе скученныя въ видѣ деревень зимовья, съ тою лишь разницею, что постройки, не смотря на близость лѣсовъ, по всей вѣроятности, были тогда въ громадномъ большинствѣ не бревенчатыя (какъ то часто теперь встрѣчается у киргизъ, берущихъ примѣръ съ русскихъ), а сырцовыя и дерновыя и глиняныя, на подобіе бухарскихъ сакль; ибо какъ по мѣсту своего начальнаго происхожденія, такъ по обычаямъ и вѣрѣ, они были болѣе южане, чѣмъ сѣверяне; мало того: несомнѣнно, въ средѣ ихъ проживало множество торговыхъ и пашенныхъ бухарцевъ въ сильной степени вліявшихъ на сибирскихъ татаръ. По словамъ помянутаго лѣтописца *Рѣльзова*, даже самая „столица“ или вѣрнѣе центральное становище

Кучума на Иртышѣ при устьѣ Тобола, носило названіе „Кашлыкъ“ или кишлакъ, каковымъ именемъ у бухарцевъ и таранчей въ настоящее время называется всякое селеніе. Русскіе всѣ такого рода становища называли „городками“. Автору настоящихъ изысканій, лучшіе изъ этихъ городковъ или кишлаковъ, каковы: Искеръ, Чингиддинъ, Епанчинъ, представляются въ родѣ современныхъ намъ чалаказакскихъ[1]) степныхъ поселеній Устькаменогорскаго уѣзда, гдѣ мусульманско-бухарская осѣдлая жизнь и цивилизація такъ тѣсно сблизились съ некультурностью вольныхъ кочевниковъ-киргизъ, что въ чалаказакѣ не отличишь гдѣ въ немъ и его домашней обстановкѣ кончается осѣдлый бухарецъ и гдѣ начинается кочевникъ-киргизъ. Въ поселеніяхъ этого рода сырцовая или глиняная безкрышая сакля помѣщается о-бокъ съ бревенчатою избою или мечетью и войлочною юртою[2]). Раіонъ или размахъ кочевокъ жителей каждаго изъ такихъ становищъ или городковъ, по всей вѣроятности, не былъ великъ, такъ какъ большинство сибирскихъ татаръ того времени, подобно нынѣшнимъ киргизамъ, обитающимъ близъ озера Зайсана и по Черному Иртышу, будучи рыболовами не менѣе чѣмъ скотоводами, должны были держаться ближе къ рыболовнымъ рѣкамъ и озерамъ, разставляя свои лѣтнія палатки, юрты и юламеи вблизи зимовыхъ становищъ и

---

[1]) Чалаказаками называются полуосѣдлые потомки бухарцевъ—отцовъ и киргизокъ—матерей.

[2]) На существованіе бревенчатыхъ сакль у кочевниковъ Кучумова времени указываетъ, между прочимъ, показаніе командированнаго въ 1601 г. для розыска Кучумовыхъ дѣтей, боярскаго сына Гавриила Артемьева, который, отыскавъ двоихъ изъ нихъ (Канаи и Азима) у Ишимской верхней луки близъ истоковъ Абуги впадающей въ Тоболъ, въ дубравѣ, между прочимъ писалъ: „а поставлены де у нихъ избы рублены въ стѣны кругомъ, по смѣтѣ де избъ съ полчетвертадесять; да у нихъ же обернуто около избъ телѣгами кочевными большими, для крѣпости отъ приходовъ“.... и т. д. Точно также „одернувся телѣгами, за Онь рѣкою“ стоялъ, какъ мы видѣли выше изъ донесенія Тарскаго воеводы князя Елецкаго, и самъ Кучумъ въ 1595 году. Нужно думать, что эти „большія кочевныя телѣги“ тѣ-же самыя большеколесныя одноосныя арбы или тарантайки что существуютъ у степныхъ киргизъ и въ настоящее время. Нѣчто вродѣ „избъ рубленныхъ въ стѣну кругомъ“ на подобіе юртъ, также встрѣчается у нынѣшнихъ киргизъ, особенно-же у полукочевниковъ лѣсистаго Алтая.

кишлаковъ. Пашни, судя по тому, какъ тогдашніе татары легко снимались съ насиженныхъ мѣстъ (какъ и у нынѣшнихъ киргизъ), были далеко не общимъ явленіемъ и едва-ли не были дѣломъ, главнымъ образомъ, бухарцевъ, а не татаръ. Бухарцы-же, какъ сказано, были едва-ли не единственными представителями торговаго класса, посредничая между промышленнымъ и, если можно такъ выразиться, фабричнымъ югомъ (Малая Бухарія) и богатымъ пушниною остяцко-вогульско-татарскимъ сѣверомъ. Какъ отдѣльные бухарскіе торговцы, такъ и цѣлые караваны ихъ, проникали далеко на сѣверъ. Можно сказать, всѣ предметы одежды и даже домашняго обихода сибирскихъ татаръ и ногайцевъ и частью сѣверныхъ подвластныхъ имъ инородцевъ финскаго племени были бухарскаго издѣлья. Сами по себѣ сибирскіе татары того времени, не исключая и князей или царевичей Кучумова рода, были люди весьма мало состоятельные. Извѣстно, напримѣръ, что вся кучумова семья, захваченная Ермаковымъ на Оби, привезена была въ Москву въ такомъ жалкомъ видѣ и одѣяніи, что гордый и самолюбивый царь Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, чтобы не компрометтировать себя и всё дѣло завоеванія сибирскаго царства, не рѣшился впустить ее въ такомъ видѣ въ столицу. Приказано было всѣхъ членовъ этой семьи, прежде чѣмъ торжественно ввезти въ Москву и показать народу, обмундировать заново на казенный счетъ съ головы до ногъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, старшему изъ захваченныхъ сыновей Кучума—Асманаку даны были вновь сшитыя ферези, „сукно багрецъ червчатъ на корсакѣхъ (корсакахъ), завязки шолкъ зеленъ съ золотомъ, кафтанъ камка кызылбашская (персидская), шолкъ алъ да зеленъ, на черевѣхъ на лисьихъ, кафтанъ кызылбашскій озямской камчатъ, шапка лисья черна, сапоги сафьяные жолты, *рубашка*.“ Царицамъ: старшей Салтанымъ—„шуба камка адамашка рудожелта, на куницахъ опушена атласомъ съ серебромъ, кругъ ея и по швамъ кружево, шолкъ черинъ съ серебромъ, петли шолкъ черинъ, пуговицы корольковыя“. . .— Другой царицѣ Сюйцеджанъ: „шуба камка адамашка бѣла на пупкахъ на собольихъ, опушена атласомъ золотымъ, кругъ ея кру-

жево и по швамъ шолкъ червчатъ да черинъ съ золотомъ, пуговицы серебряныя" и т. д. всѣмъ прочимъ членамъ царской семьи и чинамъ свиты[1]).

Торжественный въѣздъ всей плѣненной кучумовской семьи въ Москву состоялся 17-го января 1599 года. Во главѣ поѣзда въ надлежащихъ мѣстахъ, по два въ рядъ, ѣхали главнѣйшіе виновники захвата въ плѣнъ кучумовичей: Савинъ Васильевичъ *Войковъ* (повидимому братъ втораго тарскаго воеводы и начальника экспедиціоннаго отряда Андрея Войкова), дѣти боярскіе Илья *Бекленишевъ*, Ѳедоръ *Лопухинъ*; казацкіе атаманы—Казаринъ *Волынцъ*, Третьякъ *Жаряной*; девять человѣкъ литвы, одиннадцать конныхъ тобольскихъ и тарскихъ казаковъ и шесть пѣшихъ казаковъ. Сами плѣнники и плѣнницы, согласно Высочайше одобреннаго церемоніала, ѣхали (взрослые порознь, а малые при матеряхъ или по двое) въ особыхъ росписныхъ саняхъ, запряженныхъ цугомъ и ведомыхъ на поводьяхъ особыми проводниками въ собольихъ шубахъ: „а которые ѣдутъ съ царицами (писалось въ церемоніалѣ) „и тѣмъ всѣмъ шубы надѣти *выворачивая* подпоясався—а всѣхъ будетъ ихъ въ шубахъ 50 человѣкъ"[2]).

Между тѣмъ приведенный Войковымъ къ шерти и посланный въ Чаты на развѣдки о пропавшемъ Кучумѣ, Мурза Селитъ Тулъ-Маметъ, дѣйствительно пустился въ поиски за бывшимъ своимъ повелителемъ и, на третій день, нашелъ его съ тремя сыновьями и тридцатью оставшимися вѣрными сторожниками въ лѣсу. По словамъ посланца, Кучумъ во время боя, пользуясь общею безпорядочною свалкою, бросился въ „судно" и самъ-третей съ сыновьями „утекъ" внизъ по Оби. На предложеніе Сеита смириться и послѣдовать на Русь за своею семьею, упорный Кучумъ отвѣтилъ: „Не поѣхалъ я къ Государю по Государевѣ грамотѣ, своею волею, въ кою пору я былъ совсѣмъ цѣлъ; а за саблею мнѣ теперь ѣхать къ Государю не по что; нынѣ я сталъ глухъ и слѣпъ

---

[1]) *Акты историческіе* т. 2-й роспись пожалованнаго Государемъ Кучумову семейству платья.

[2]) *Акты историч.* т. 2-й. Роспись отъ 16 Янв. 1599 г., какъ въѣхать въ Москву

и безъ всего живота: взяли у меня промышленника сына моего Асманака; если-бы у меня всѣхъ дѣтей поймали, а одинъ-бы у меня остался Асманакъ, я бы съ нимъ еще промыслилъ; а нынѣ *я иду въ Ногаи, а сына своего посылаю въ Бухары*"[1]). Съ такимъ отвѣтомъ Сенть и прибылъ въ Тару 5-го октября.

Убѣдившись, что разсчитывать на поддержку кулундинскихъ и чатскихъ татаръ нечего, Кучумъ рѣшилъ, какъ онъ и говорилъ Сенту, бѣжать въ Ногаи, гдѣ у него, повидимому, находились въ это время не послѣдовавшіе на Обь, сыновья Алей и Канай, изъ которыхъ первый былъ женатъ на дочери Ногайскаго князя Тинъ-Ахмата, а послѣдній на плѣненной русскими при Ирмени, дочери Ногайскаго князя Уруса; тамъ-же находилась и одна изъ дочерей Кучума, выданная за Ногайскаго Акъ-Мирзу[2]). Едва одѣтый и снабженный чатскими татарами, изъ милости, лошадьми для бѣгства, Кучумъ направился знакомымъ путемъ между р. р. Карасукъ и Бурлу, сначала на Иртышъ, а затѣмъ въ верховья Нижма и Нуры къ громадному озеру Кургальджинъ (на картахъ обозначаемому обыкновенно подъ названіемъ Денгизъ), гдѣ въ это время кочевала Ногайская орда и гдѣ, повидимому, находились и Алей съ Канаемъ. По крайней мѣрѣ, какъ мы вслѣдъ за симъ увидимъ, отсюда эти царевичи производили свои набѣги на русскія и татарскія поселенія въ верховьяхъ рѣкъ Тобола, Міаса, Ницы и др.

О бѣгствѣ въ Кургальджину упоминаетъ и тобольскій лѣтописецъ боярскій сынъ *Ремезовъ*, прибавляя при этомъ, что первоначально Кучумъ направился вверхъ по Иртышу къ озеру Зайсанъ въ „калмыцкую землю и похитилъ у калмыковъ коней много число и побѣжа на иное мѣсто со своими; калмыки-же гнала во слѣдъ его и достигоша на Норъ-Нишмѣ у озера Курдальчина, и ту многихъ кучумлянъ побиша и коней, свои стада отъжа и достальное имѣніе его пограбиша. Кучумъ-же бѣжа отъ нихъ съ малыми людьми въ ногайскую землю жити и кормится нищо-

[1]) *Акты историч.* т. 2-й. Отписка тарскихъ воеводъ отъ 17-го окт. 1598 г.
[2]) *Карамзинъ*, т. IX, примѣч. 658.

тре". Странствіе Кучума за Зайсанъ и вообще въ калмыкамъ представляется какъ маловѣроятнымъ. Правдоподобнѣе дѣло объяснить такимъ образомъ, что Кучумъ во время обитанія своего въ верховьяхъ Иртыша, кочуя по степямъ калмыковъ „начинавшихъ въ то время, родъ за родомъ, являться изъ Монголіи въ верховья Оби и Иртыша", и по старой привычкѣ степнякъ отличаться мародерствомъ отъ того, чтобы вороваемъ захватить по отсутствіи часть нужныхъ ему для дальняго пути коней; и попался за то преслѣдованію калмыковъ. Дальнѣйшая судьба Кучума какъ извѣстна. Умеръ онъ, повидимому, насильственною смертію въ 1601 году, тѣмъ разъ съ этого года, старшій сынъ его Алей сталъ называть себя *законнымъ сибирскимъ*. Изъ послѣдней грамоты и полученнаго имъ бѣгства сына Арчебея въ виду Ермака, между прочимъ, видно, что пребываніе въ тотъ годъ въ Алею и Канаю-царевичамъ въ верховьяхъ р. Абуги бухарскіе купцы съ товарами, вернувшіе Канаю посолонь отъ матери его, тамъ оставленной Кучумовъ „за старость" на родину въ бухарскій городъ Сауранъ, и предложеніе прибыть въ тотъ городъ „на житіе": но Канай не поѣхалъ—„для того что отца де его Кучума замкнулъ въ полонѣ обманомъ убили.... да у насъ въ Бухарѣ многихъ татарскихъ мурзъ замкнулъ обманомъ, побилъ"[1]. О томъ-же событіи сибирскій лѣтописецъ бояръ сынъ *Ремезовъ* пишетъ: „Еще же Кучумъ со своими въ великомъ нѣкіемъ тогда ни мало потерпѣвъ, собрався съ роды своими, убиша Кучума и прочіе мнѣніе отъяша, а людей его полонянки и плѣнники ему: злочестивый ты и славной воръ, Муртазелеевъ сынъ, и отецъ твой намъ много зла содѣлалъ и ты хуже и злѣе, паче и намъ учинилъ, то и протчіе твои люди отъ тебе-же убиты и злоблены". Противорѣчіе этого послѣдняго сказанія съ показаніемъ спутниковъ Ермакова, намъ кажется, можно примирить предположеніемъ, что имѣющій тѣломъ, но не имѣющій никогда духомъ. Кучумъ и послѣ Воскресенскаго погрома въ Бурабѣ, не успокоился: съ полною добровольцевъ изъ ногайцевъ

[1]) Русская историческая библіот. т. 2 й, ст. № 99.

онъ видимо кинулся съ верховьевъ Абуги и Ишима искать счастья и сторонниковъ на Сыръ-Дарью, въ сѣверный Туркестанъ, давнее гнѣздо всякаго рода искателей вольной добычи киргизъ-казаковъ, каракалпаковъ и бродячихъ калмыковъ-джунгаръ; но вмѣсто поддержки и счастья, нашелъ себѣ смерть въ средѣ неустойчивыхъ въ своихъ симпатіяхъ хищниковъ[1]).

По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ видно, что въ 1600 году, четверо изъ уцѣлѣвшихъ сыновей Кучума—Алей, Канай, Азимъ и Кубей-Муратъ кочевали въ только что помянутыхъ верховьяхъ р. Ишима около озера Кургальджина и далѣе на сѣверо-западъ въ вершинахъ р. Тобола, совмѣстно съ немногими своими привер-

---

[1]) Здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ о неоднократно упоминавшемся выше сибирскомъ лѣтописцѣ Семенѣ *Ремезовѣ* и его дѣтяхъ-помощникахъ по историческимъ и картографическимъ трудамъ, хотя первые изъ этихъ трудовъ относятся главнымъ образомъ къ эпохѣ Ермака и его сибирскому походу, а вторые къ концу XVII столѣтія. Несомнѣнно, что авторы „Сибирской лѣтописи" и „Чертежной книги Сибири" одни и тѣ же лица: тобольскіе боярскіе дѣти Семенъ Ремезовъ-отецъ и Семенъ-же, Леонтій, Иванъ и Петръ Ремезовы—сыновья; это видно какъ по надписямъ авторовъ на томъ и другомъ трудѣ, такъ и по пристрастію лѣтописцевъ къ географическимъ описаніямъ, соединеннымъ съ обязательнымъ изображеніемъ написаннаго рисункомъ (въ лѣтописи 154 рисунка). При всемъ неправдоподобіи нѣкоторыхъ разсказовъ и обиліи риторическихъ прикрасъ, ремезовская лѣтопись несомнѣнно обладаетъ массою такихъ достоинствъ, которыя дѣлаютъ ее для историка Сибири, можно сказать, незамѣнимою. Миллеръ и Фишеръ составляли свои исторіи завоеванія сибирскаго царства по Ремезову; новѣйшій историкъ этой страны г. Буцинскій находитъ ремезовскую лѣтопись наиболѣе вѣрной и лучшей изъ сибирскихъ лѣтописей; даже Карамзинъ, считая ее „состоящей болѣе изъ худыхъ рисунковъ, нежели изъ повѣствованія", не могъ воздержаться, чтобы не сдѣлать изъ нея многихъ выписокъ, включенныхъ въ его Исторію Государства Россійскаго. Повидимому, „лѣтопись" была составлена ранѣе „Чертежной книги" и неодновременно: что доказывается какъ разнообразіемъ содержанія разныхъ ея главъ, такъ различіемъ почерка и вклейками по листамъ. Быть можетъ это обстоятельство служитъ указаніемъ и на то, что въ составленіи ея принимали въ разное время участіе не только помянутый Ремезовъ Семенъ съ сыновьями, но и дѣдъ послѣднихъ, а его отецъ, и при томъ за время бытности не только въ Тобольскѣ, но и въ Кунгурѣ, почему она и зовется какъ Тобольскою, такъ и Кунгурскою краткою сибирскою лѣтописью. Мы будемъ еще имѣть случай сказать нѣсколько словъ объ этой сборной лѣтописи и при подробномъ разсмотрѣніи въ особой главѣ замѣчательнаго труда Ремезовыхъ по составленію географическаго атласа Сибирской земли.

женцами и ногайскою ордою. Наученные неудачами отца своего въ борьбѣ съ русскими, они первое время вели себя чрезвычайно осторожно и не разъ даже засылали въ Тюмень, Тобольскъ и Уфу посланцевъ съ самыми мирными предложеніями; даже младшій изъ братьевъ отданъ былъ при этомъ въ аманаты. Но уже въ 1605 и 1606 г.г. эти мирныя сношенія перешли во враждебныя и нарезчи не разъ производили, болѣе или менѣе удачные набѣги на русско-ясачныя поселенія по Тоболу, Турѣ и Міясу.

Этимъ начались тѣ, тянущіеся чрезъ всѣ XVII и первую половину XVIII столѣтія набѣги на юго-западную Сибирь (южные уѣзды Тобольской и Пермской губерній и восточные Оренбургской), которые производились сначала подъ знаменемъ кучумовичей, а потомъ и безъ всякаго знамени и предлога, ногайцами, калмыками, башкирами и казачьей ордою (киргизами).

Въ первые годы XVII столѣтія, насколько о томъ можно судить по развѣдкамъ казаковъ и другихъ служилыхъ людей, набѣги производились почти исключительно ногайцами: родственные имъ башкиры еще не успѣли сдѣлать имени своего памятнымъ для тогдашнихъ сибиряковъ, почему упоминанія о нихъ мы изрѣдка лишь встрѣчаемъ въ донесеніяхъ сибирскихъ служилыхъ людей того времени; калмыки только-что стали выдвигаться изъ предѣловъ нынѣшней Монголіи въ Кулундинскія, Иртышскія и Ишимскія степи. Вся сѣверо-восточная часть нынѣшней Акмолинской области, Павлодарскій и Каркаралинскій уѣзды Семипалатинской области, представляли сплошныя пустыни, не занятыя никѣмъ. О киргизахъ, нынѣ обитающихъ въ этихъ мѣстностяхъ или „казакахъ", какъ они долго назывались русскими (и какъ они сами себя именуютъ до сихъ поръ), въ показаніяхъ и донесеніяхъ тогдашнихъ сибирскихъ служилыхъ людей нигдѣ не упоминается; очевидно, ихъ совсѣмъ здѣсь не было.

Болѣе положительныя данныя о киргизахъ или „казачьей ордѣ" того времени мы встрѣчаемъ лишь въ памятникахъ сношеній самого московскаго правительства съ азіатскими народами. Еще въ 1534 г. посланный въ ногайскую орду Иваномъ Грознымъ слу-

жилый человѣкъ Данило Губинъ, доносилъ царю: „А Казаки Государь сказываютъ добре сильны, а сказываютъ Государь Ташкень воевали и Ташкенскіе царевичи сказываютъ съ ними дважды бились, а казаки ихъ побивали.“ — Въ 1569 году посланный къ тѣмъ-же ногайцамъ Семенъ Мальневъ писалъ о нападеніи на ногайскіе улусы на Яикѣ „Казацкія орды“ Аръ-Назара царя, Шигая царевича и Челыма царевича. Очевидно, „Казачья орда“ того времени давала себя знать болѣе западу, чѣмъ востоку, хотя и въ западномъ направленіи, она далеко не доходила до тѣхъ границъ, у которыхъ мы ее видимъ теперь. „*Книга большаго Чертежа*“, составленіе которой относится къ 1600 году, мѣстомъ главныхъ киргизскихъ кочевій указываетъ среднее теченіе рѣки Сыръ-Дарьи и мѣстности, лежащія сѣвернѣе ея „на 600 верстъ“. Между прочимъ въ этой книгѣ мы читаемъ: „*А къ Синему* (Аральскому) *морю отъ Приза рѣки 280 верстъ, пески Барсукъ-Кумъ* (по нынѣшнимъ картамъ просто — Барсукій; *поперегъ того песку 25 верстъ; да пески Каракумъ, отъ Синева моря 200 верстъ, пески Каракумъ вдоль 250 верстъ, а поперегъ 130 верстъ; а тѣ три пески пролегали къ Синему морю къ берегу.— Въ Синее море съ Востоку пала рѣка Сыръ* (Сыръ-Дарья); *а съ Сыръ — рѣку пала рѣка Кендерлыкъ*[1]. *А Кендерлыкъ — рѣка вытекла съ Улутовой* (очевидно Улу-Тау) *горы двумя протоками. А отъ горы Кендерлыку рѣки протоку 330 верстъ; а другая рѣка Кендерлыкъ изъ тойжъ горы пала въ рѣку Сарсу* (Сары-Су). *А рѣка Сарса пала въ озеро не доходя до Сыра — рѣки, отъ устья рѣки Кендерлыка 150 верстъ, а отъ Карачатовой горы* (т. е. хребта Кара-Тау) *за 70 верстъ; а вдоль Карачатовой горы 250 верстъ, а отъ Сыра — рѣки*

[1]) Нынѣ не существующая; повидимому, западный рукавъ Сары-Су, впадающійся нынѣ въ озеро Тайлакъ-Куль и Тили-Куль, а въ тѣ времена доходившій и впадавшійся въ Сыръ-Дарью, вѣроятно близъ форта Перовскаго, гдѣ находится занесенное теперь песками начало Яны-Дарьи, стараго русла Сыръ-Дарьи служившаго продолженіемъ Кендерлыка или Сары-Су по направленію къ котловинѣ Аральскаго моря.

та гора 80 верстъ[1]). *А отъ устья рѣки Кендерлыка 150 верстъ съ лѣвой* (?) *стороны рѣки Сыра городъ Сунакъ* (Сузакъ?), *противъ Карачатовой горы; а промежъ озера Акбашлы* (Аксакаль-Барби или Чалкарь-Тенизь?), *и рѣки Саукъ*[2]), *и озера Аикулы* (Акъ-Куль), *и по обѣ стороны рѣки Зелечика* (Джиланчикъ, впадающая въ Акъ-Куль), *и рѣки Кендерлыка* (Улькунъ-Кенгиръ) *и рѣки Сарсу* (Сара-Су) *и песковъ Каракумъ* (Кара-Кумъ), *на тѣхъ мѣстахъ, на 600 верстъ, кочевые Казакскія орды*[3])".

Въ годъ прихода Ермака въ кучумовскую или Турнско-Тобольско-Ишимскую Сибирь (1582 г.) въ только что названныхъ мѣстахъ древнихъ кочевокъ киргизъ или казачьей орды, происходили событія не меньшей важности: здѣсь разыгралась одна изъ знаменитѣйшихъ драмъ въ исторіи Средней Азіи:—разгромъ знаменитымъ Бухарскимъ ханомъ *Абдуллою*, при помощи киргизъ, исконнаго своего врага *Баба-Султана*;—или такъ называемый Улутавскій походъ. Преслѣдуя врага по пятамъ, Абдулла доходилъ, по выраженію его панегериста-историка, до „прекраснѣйшаго изъ всѣхъ мѣстъ Дешты-Кипчака"—Улу-Тау; передовые-же полки его подъ начальствомъ казакскихъ *Шигай-Хана* и сына его *Тевекель*-султана заходили далеко дальше въ страну Мангитовъ (ногайцевъ), въ верховья р.р. Ишима и Тобола. На рѣкѣ „Саукъ" произошла рѣшительная битва, въ которой самъ

---

[1]) Упоминаемые здѣсь Кендерлыки въ верховьяхъ ихъ, истекающихъ изъ Улу-Тау, несомнѣнно слѣдуетъ принимать за нынѣшнія рѣки: Кара-Кенгиръ, Сары-Кенгиръ и Улькунъ-Кенгиръ.

[2]) На *Ремезовскомъ* чертежѣ „безводной каменистой степи", одинъ изъ множества истоковъ Тургая называнъ рѣкою Саукъ; по мѣсту его положенія можно думать, что это Кара-Тургай.

[3]) По вопросу о мѣстѣ первоначальныхъ кочевокъ киргизъ, основываясь на той-же книгѣ Большаго Чертежа, существуетъ обстоятельная статья *Максимова*, носящая названіе „Географическія свѣдѣнія книги Большаго Чертежа о киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ" Зап. Геогр. Общ. т. 6-й, 1879 г. Выводы автора, впрочемъ не вполнѣ сходятся съ только что приведенными, главнымъ образомъ въ опредѣленіи современныхъ названій и мѣстъ нахожденія рѣкъ и урочищъ книги Большаго Чертежа.

См. также—*Лебедева*—Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей; кн. 2 гл. III.

Баба-Султанъ и виднѣйшіе изъ его сторонниковъ погибли, войска-же Бухарскаго хана побѣдоносно возвратились во-свояси. Киргизскій ханъ Шигай и его сынъ Тевекель, были осыпаны ханскими милостями, съ предоставленіемъ въ пользованіе ихъ многихъ земель и гор. Туркестана.

Не болѣе какъ хитростью, разсчитанною на незнаніе русскими положенія дѣлъ въ Джиты-Кипчакѣ, слѣдуетъ, послѣ этого, объяснить посольство Тевекеля въ 1594 г. въ Москву съ предложеніемъ яко бы вступить съ казачьею ордою въ русское гражданство, на условіи возврата захваченнаго въ плѣнъ подъ Тобольскомъ племянника его Уразъ-Магомета.

Послѣдующія событія еще болѣе усилили значеніе „казачьей орды" въ Средней Азіи и передвинули ея интересы отъ нынѣшнихъ киргизскихъ степей еще далѣе къ югу. Послѣ нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ хищническихъ набѣговъ на сѣверныя страны осѣдлаго Турана, Тевекель въ 1598 году (въ годъ окончательнаго пораженія Кучума на Обѣ), пользуясь тѣмъ, что жарнія грознаго Абдуллы послѣ его смерти, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобій, стала распадаться на части, съ нѣсколькими мелкими владѣльцами во главѣ, кинулся съ многочисленнымъ войскомъ изъ разныхъ племенъ сѣвернаго Турана и узбековъ, въ самый центръ Средней Азіи, быстро подчинивъ себѣ Ахсы, Андижанъ, Ташкентъ и Самаркандъ. Оставивъ здѣсь брата своего Ишима съ 20,000 человѣкъ, самъ Тевекель съ 80 т. человѣкъ двинулся къ самой Бухарѣ, гдѣ въ это время было не болѣе 15 т. войска. Упорное сопротивленіе защитниковъ Бухары, вскорѣ заставило сгинуть сюда всѣ силы „казаковъ", которые, простоявъ въ окрестностяхъ Бухары нѣсколько мѣсяцевъ и разграбивъ массу осѣдлыхъ бухарскихъ поселеній, удалились къ Туркестану и Ташкенту, гдѣ они съ этого времени надолго водворяются, живя на счетъ трудолюбиваго покореннаго осѣдлаго народа[1]. Занятія было ордою степи Джиты-Кипчака, какъ показано въ кни-

[1]) *Веліяминовъ-Зерновъ*. Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, т. 2-й (стр. 297—400). *Вамбери*. Исторія Бухары, т. 2-й (стр. 44—46.)

гѣ Большаго Чертежа, съ этого времени надолго остаются почти впустѣ, какъ это мы узнаемъ въ послѣдующихъ главахъ изъ показаній бывавшихъ здѣсь въ XVII столѣтіи сибирскихъ казаковъ.

Немудрено, послѣ этого, что ни въ донесеніяхъ, ни въ росписяхъ сибирскихъ служилыхъ людей конца XVI и начала XVII-го столѣтія, мы нигдѣ не встрѣчаемъ извѣстій о нынѣшнихъ киргизахъ или „казакской ордѣ". Сибирь и даже нынѣшнія киргизскія степи, въ то время не интересовали киргизъ; всѣ ихъ интересы сосредоточивались на благодатномъ, густо заселенномъ югѣ. Даже Ногаи съ присоединившимися къ нимъ сибирскими кучумовцами, не смотря на только что потерпѣнное послѣдними вытѣсненіе изъ давно насиженныхъ мѣстъ въ ишимскихъ, тобольскихъ и иртышскихъ степяхъ, присматривались къ дѣламъ юга или Средней Азіи не меньше, чѣмъ къ пустынной Сибири. Ничего невѣроятнаго нѣтъ въ томъ, какъ сказано выше со словъ боярскаго сына Артемьева, что и Кучумъ, явившись послѣ Всейковскаго погрома въ Ногаи, не отказался отъ попытки поискать счастья на томъ-же югѣ, во владѣніяхъ только что распавшагося къ тому времени обширнаго государства Абдуллы. Совершенно вѣроятенъ и другой разсказъ Артемьева о предложеніи пустопорожняго княженія сыну Кучума Канай-царевичу, мать котораго была бухарскаго владѣтельнаго рода, гдѣ и проживала. Сообщеніе тобольскихъ и туринскихъ татаръ и ногаевъ съ сѣвернымъ Туркестаномъ и Бухарою (чрезъ верховья Тобола, Абуги, Ишима, мимо оз. Кургальджинъ, Улутавскихъ горъ, по рѣкѣ Сары-Су было издавна проторено. О родственныхъ связяхъ бухарскихъ владѣльцевъ съ владѣльцами ногайскими, киргизъ-казачьими и сибирско-татарскими интересующіеся могутъ найдти подробныя свѣдѣнія въ обстоятельномъ изслѣдованіи Вельяминова-Зернова о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ и позднѣйшихъ статьяхъ г. Оксенова о сибирскомъ царствѣ до эпохи Ермака.

Упоминаніе сибирскихъ лѣтописей: Ремезовской о томъ, что Кучумъ пришелъ въ „Сибирь"—„отъ казачьи орды со многими вои"

и Строгоновской, что онъ явился „изъ степи съ поля“ долго служило доказательствомъ того, что и самъ Кучумъ былъ родомъ киргизъ-казакъ. Это мнѣніе поддерживалъ и извѣстный исторіографъ казачьей орды Левшинъ. Послѣднія болѣе точныя изысканія по этому вопросу убѣждаютъ, однако-же, что помянутыхъ выраженій лѣтописцевъ нельзя толковать въ сказанномъ смыслѣ. Кучумъ несомнѣнно не былъ „казакомъ“ и если при сверженіи имъ Бекбулата съ княженія на устьѣ Тобола въ Кашлыкѣ, Искерѣ или „Сибири“ и участвовали степные татарскіе „казаки“, то это можетъ служить лишь указаніемъ на то, что въ предъ-кучумовскую эпоху, разбойническія вольныя ватаги всякаго рода средне-азіатскихъ выходцевъ носившія сборное имя „казаковъ“ бродили по Сары-Су, Тургаямъ, Кенирамъ, въ окрестностяхъ Кургальджина значительно сѣвернѣе тѣхъ мѣстъ, которыя значатся ихъ главнымъ обиталищемъ на „Книгѣ Большаго Чертежа“, съ котораго они, какъ мы выше сказали, въ концѣ XVI столѣтія, завлекаемые открывшеюся обильною добычею въ городахъ сѣвернаго Туркестана, откочевали далѣе на югъ къ Сыръ-Дарьѣ.

ГЛАВА II-я.

РУССКІЕ ВЪ ВЕРХОВЬЯХЪ ТОБОЛА, ИШИМА И ИРТЫША. ЗНАКОМСТВО СЪ СИБИРСКИМИ НОГАЯМИ И КАЛМЫКАМИ.

Заложеніе города Томска.—Смутное время въ Сибири.—Борьба съ кучумовичами, ногаями и калмыками на Тоболѣ и его притокахъ.—Калмыки въ Каменномъ [illegible], и р. Оми.—Первыя [illegible] Иртыша [illegible] Оми и соляныя экспедиціи къ Ямышъ-озеру.

Покончивъ съ Кучумомъ, Московское правительство и сибирскіе воеводы могли считать главнѣйшую задачу подведенія сибирской земли подъ Высокую Царскую руку выполненною, ибо съ уничтоженіемъ главнаго и наиболѣе энергичнаго претендента на занятіе ими теперь низовья Обской рѣчной системы и западнаго побережья Ледовитаго океана, упрочивалось спокойное владѣніе тою частью обширной Сибирской страны, которая съ своими изстари знаменитыми богатствами пушнымъ зверемъ, собственно и составляла конечную цѣль борьбы съ Кучумомъ и прочнаго водворенія здѣсь русскихъ. Южная, степная, скотоводческая и земледѣльческая (въ то время еще не было извѣстно, что она же и рудная) часть этой громадной страны ни правительство, ни вообще русскихъ людей не интересовала и потому, несомнѣнно, что они долго бы еще держались исключительно звѣроловчаго сѣвера и сѣверо-востока Сибири, если бы не два, главнѣйшимъ образомъ, обстоятельства, понуждавшія ихъ не только не терять изъ вида эту страну, но и постепенно подвигаться въ этомъ направленіи далѣе и далѣе. Обстоятельства эти были: съ одной стороны оборона южныхъ границъ звѣропромышленной Сибири отъ вторженій южныхъ кочевниковъ-ногаевъ, сибирскихъ киргизъ, калмыковъ и казачьей орды, а съ другой—желаніе проложить сухопутные и торговые пути въ богатыя дальнія южныя страны—Бухару, Индію и Китай. Чередуясь одно съ другимъ, или же воздѣйствуя совмѣстно, оба эти обстоятельства непрестанно побуждали русскихъ людей проникать на югъ гораздо далѣе того, чѣмъ это требовалось

интересами занятія собственно Сибири, какъ страны всякаго рода пушнины.

Уже вслѣдъ за Ирменьскимъ разгромомъ Кучума, въ цѣляхъ удержанія за собою кочевавшей выше Чаты „Пѣгой орды" и охраны отъ обязачнія калмыками и саянскими киргизами какъ чатскихъ, такъ и барабинскихъ татаръ, начинается постепенное заложеніе въ этой странѣ командируемыми изъ Сургута казаками русскихъ острожковъ: сначала *Нарымскаго*, затѣмъ *Кетскаго* и наконецъ въ 1604 году въ видѣ крайняго и наиболѣе сильнаго во всемъ этомъ далекомъ краѣ тогдашней Сибири опорнаго пункта *Томскаго* острога, именуемаго теперь городомъ.

Съ первыхъ же дней своего возведенія Томску, обращенному сразу въ резиденцію воеводъ Средне-Обскаго края, суждено было занять видное мѣсто въ ряду другихъ тогдашнихъ пограничныхъ городковъ Сибири. Ему, какъ и Тарѣ, пришлось выдержать наиболѣе сильный напоръ инородцевъ съ юга, что для тогдашней Сибири имѣло тѣмъ большее значеніе, что какъ не отдалена она была отъ своей зауральской метрополіи и какъ не труденъ былъ путь отъ Москвы до сѣверныхъ инородческихъ пустынь Сибири и обратно, но охватившая въ началѣ XVII столѣтія всю Русь „смута" сказалась и въ этомъ далекомъ краѣ. Правда, роль русскихъ людей вообще и служилаго казачества въ сибирской смутѣ была совсѣмъ не та, что на западную сторону Урала, гдѣ „вольное" „воровское" казачество открыто стало въ рядъ враговъ Московскаго государства; здѣсь, въ Сибири, волновались, можно сказать, почти исключительно инородцы, возмечтавшіеся, пользуясь постоянными перемѣнами правительства на Москвѣ и междуцарствіемъ — „быть себѣ царствомъ какъ было при Кучумѣ Царѣ". Сибирскимъ казакамъ въ смутную эпоху приходилось думать и хлопотать не о своихъ вольностяхъ, а о сбереженіи такъ сказать, собственной шкуры, которой угрожала серьезная опасность отъ поднявшихъ голову инородцевъ. Не о внѣшнихъ, также, пріобрѣтеніяхъ думалось и тогдашнимъ здѣшнимъ воеводамъ, а лишь объ отстаиваніи занятыхъ русскими позицій въ новой странѣ, какъ

отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ. Время было трудное. Просматривая даже тѣ немногіе изъ архивныхъ документовъ того времени, которые дошли до насъ, мы то и дѣло наталкиваемся на донесенія, рисующія ненадежность положенія русскихъ въ обширной инородческой странѣ. Въ одномъ, напримѣръ, мѣстѣ читаемъ показаніе одного служиляго человѣка о томъ,—„что хотятъ-де Вогуличи въ Сибирскихъ городѣхъ воевать: чѣмъ-де намъ на Русь идти войною, мы и здѣсь воюемъ въ Сибирскихъ городѣхъ....“[1]) Въ другомъ мѣстѣ читаемъ—воеводы жалуются на недостатокъ служилыхъ людей, такъ какъ—„служивые люди по городамъ въ разсылкѣ въ Мангазеѣ и въ Сургутѣ для *измѣннаго дѣла*“; въ третьемъ документѣ повѣствуется какъ казаки, ѣдучи за сборомъ ясака, находятъ у Сосвинскихъ остяковъ стрѣлу,—„а на стрѣлѣ нарѣзаны одиннадцать шайтановъ и поперегъ шайтановъ рѣзано-жъ“. Стрѣла эта, какъ оказалось на допросѣ, разсылалась изъ конца въ конецъ отъ однихъ инородцевъ къ другимъ, какъ символъ призыва ихъ къ борьбѣ съ русскими (шайтанами перерѣзанными на стрѣлѣ пополамъ); въ четвертомъ мѣстѣ читаемъ челобитную Березовскихъ казаковъ о пожалованіи ихъ за то, что они два мѣсяца отсиживались въ своемъ острожкѣ отъ окружившихъ его со всѣхъ сторонъ „въ великомъ множествѣ“ инородцевъ, ровъ копали и во рву острогъ ставили и городъ крѣпили и Божіею милостію отсидѣлись, многихъ воровъ переимали и т. д. и т. д. И не одному Березову въ то время приходилось, будучи въ осадѣ, отсиживаться и „быть въ великомъ береженіи“; отсиживались и гонялись за измѣнниками Кетскіе казаки въ 1605 году; Сургутскіе въ 1606 году; въ 1609 году татары, вогулы и остяки пытались разрушить Тюмень; въ 1612 году Вогулы осаждали и поджигали Пелымъ. Даже самъ, такъ сказать, стольный Тобольскъ не разъ былъ въ большой опасности. Нечего говорить уже о такихъ окраинныхъ городкахъ, какъ Томскъ и Тара, гдѣ приходилось биться какъ съ внутренними, такъ и съ внѣшними врагами.

[1]) Русская историческая Библіотека т. 2-й 1875 года № 100 столб. 285.

Первыми воспользовались затруднительностью положенія смутнаго времени, какъ и слѣдовало ожидать, кучумовичи съ поддерживавшими ихъ татарами или ногаями разныхъ наименованій, а затѣмъ присоединившимися къ нимъ калмыками, все болѣе и болѣе подвигавшимися съ юга къ сѣверу нынѣшнихъ Акмолинской и Тургайской областей и Томской губерніи. Изъ показаній командированныхъ для развѣдокъ изъ Тобольска, Тюмени и Уфы служилыхъ людей, видно, что въ первые года XVII столѣтія Кучумовы дѣти держались все болѣе верховьевъ р. Тобола и его притоковъ, откуда и производили болѣе или менѣе частые набѣги на подчинившихся русской власти Тюменскихъ татаръ. Старшій, унаслѣдовавшій титулъ царя или хана, Алей кочевалъ совмѣстно съ тестемъ своимъ ногайскимъ княземъ Урусомъ сѣверніе владенія въ эту рѣку лѣваго ея притока Уя (т. е. частью въ нынѣшнемъ Челябинскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи и частью въ Курганскомъ округѣ Тобольской губерніи); Канай и Азимъ (Азій) южнѣе въ верховьяхъ праваго притока Тобола Абуги совмѣстно съ Табынцами, поддерживавшими этихъ кучумовичей. Табынцы, по показаніямъ тѣхъ-же служилыхъ людей, были собственно Башкиры, составлявшіе одну или нѣсколько волостей, подвѣдомыхъ сибирскимъ ханамъ-царямъ. По словамъ помянутаго въ первой главѣ боярскаго сына Гаврилы Артемьева, во время бытности его въ 1601 году, въ посольствѣ къ Кучумовымъ дѣтямъ, въ Каратабынскую башкирскую волость — „пришли двадцать семей башкирцевъ, съ женами и съ дѣтьми; а бывали-де онѣ прежъ сего тое-жъ Каратабинскіе волости осашные-же башкиры *были съ Кучумомъ*“[1]). Послѣднѣе показаніе служитъ косвеннымъ подтвержденіемъ приводимаго въ извѣстномъ трудѣ Рычкова[2]), показанія башкирскаго старшины Алдара, что „*башкирскій народъ изстари былъ одинъ съ ногайцами* и жилъ около сибирскихъ границъ, гдѣ они отъ сибирскихъ хановъ великія раззоренія претерпѣвать принуждены“ — вслѣдствіе чего часть ихъ, снявшись съ своихъ мѣстъ, ушла на Яикъ, Каму и

---

[1]) Русская историческая библіотека т. 2-й ст. 24.

[2]) Топографія Оренбургская. С.-ПБ. 1762 г. ч. 1-я стран. 82—83.

Волгу и только часть — „еще будучи подъ именемъ ногаевъ“ осталась на прежнихъ мѣстахъ жительства, получивши отъ ушедшихъ ногайцевъ ругательное прозвище „Башкуртъ“, то есть главный волкъ или воръ“ [1]). Въ такомъ состояніи достались они сначала Казанскимъ и Сибирскимъ ханамъ, разорившимъ ихъ въ конецъ, а затѣмъ приняли подданство русскихъ. Участіе Табынскихъ волостей въ борьбѣ Кучума и его дѣтей съ русскими показываетъ, что и въ началѣ XVII столѣтія башкирцы еще не вполнѣ освободились отъ владычества даже павшихъ сибирскихъ хановъ. Даже въ 1623 году, какъ видно изъ показаній одного служилаго татарина, младшій сынъ Кучума царя, Нинимъ, кочевавшій на р. Уй, ходилъ въ Уфимскія волости — „старыхъ своихъ людей Табынцевъ сыскивати“ [2]).

Судя по немногимъ дошедшимъ до насъ отрывочнымъ цифровымъ данымъ, нужно думать, численность сосредоточивавшаяся къ тому времени на Тоболѣ съ его верхними притоками татарско-ногайско-башкирскаго населенія, была еще болѣе ничтожна, чѣмъ населеніе только что разсѣяннаго русскими сибирско-татарскаго царства по Иртышу, Ишиму, Оми и въ Барабѣ. Тобольскимъ, Тюменскимъ и Тарскимъ служилымъ посланцамъ нашимъ и казацкимъ небольшимъ партіямъ, разыскивавшимъ и гонявшимся за кучумовцами и ихъ сторонниками, приходилось по цѣлымъ недѣлямъ рыскать не видя ни одного человѣка и проходить по нѣсколько сотъ верстъ чтобы то тамъ, то здѣсь наткнуться на жилье или пробѣжихъ. При этомъ оказывалось, что, напримѣръ, Канай и Алимъ царевичи расположились зимовьемъ въ верховьяхъ Абуя и Убрахъ, всего со 150-ю табынцами, а ло-

[1]) Если перевесть названіе «башкиръ» слѣдовательно необходимымъ для русскаго человѣка прозвищемъ «главный волкъ» или «воръ» не есть излишняя, а быть можетъ и жаргонная хвастливость Гиясова, то слово это вѣрнѣе перевести болѣе обиднымъ словомъ - баш — голова, кыр — дѣтородный членъ. Тогда выйдетъ названіе башкиръ, однозначущее съ руганью — «членова голова» или «членоголовый».

[2]) Какъ извѣстно Табынскія волости и до сихъ поръ существуютъ въ Башкиріи; точно также какъ часть сибирскихъ Тюменскихъ татаръ (ногаевъ), долго составляли особую Башкирскую волость.

шади у нихъ ходятъ отъ зимовья въ полдниць; Алей ханъ расположился на Тоболѣ ниже впаденія Абугана съ немногими татарами и зырянцами, численностью всего въ 300 душъ; тесть его Урусъ стоитъ на Уѣ и Тагизакѣ съ „великими силами" въ 500 душъ, а по другимъ въ 700 душъ, ногайцевъ и башкирцевъ Уфимскаго или Бѣло-воложскаго края; братъ Уруса Казій съ дѣтьми и прочими ногайскими силами до 7000 душъ кочуетъ въ странѣ по верховьямъ Янка, Уя, Исети и Міаса. Вотъ и все. Замѣчательно, что занимая со столь ничтожнымъ населеніемъ пространство болѣе чѣмъ въ 250/т. квадратныхъ верстъ въ самомъ благодатнѣйшемъ и плодороднѣйшемъ краѣ всей сѣверо-западной Сибири, гдѣ теперь ютится двухмилліонное населеніе, тогдашніе сибирскіе кочевники считали свое экономическое положеніе до крайности стѣсненнымъ и, напримѣръ, Алей и Канай съ Азимомъ, имѣя при себѣ, какъ сказано, до 500 душъ, кочевали и зимовали порознь „для того, что имъ живучи вмѣстѣ прокормица не чѣмъ"; мало того: они вынужденными находились время отъ времени посылать къ бывшимъ своимъ данникамъ башкирамъ вѣрныхъ улусныхъ людей — „просить у башкирцевъ одежды и кормы" — какъ о томъ писалъ посланный для развѣдокъ боярскій сынъ Артемьевъ[1].

Находясь въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, кучумовичи, конечно, не могли сколько либо серьезно думать объ отмщеніи русскимъ за отцовскій разгромъ и хотя въ Тюмени и Тобольскѣ то и дѣло получались вѣсти о сборахъ ихъ напасть съ большими силами на Тюмень, тѣмъ не менѣе нападеній сколько либо значительныхъ не было и первыя пять лѣтъ новаго столѣтія прошли лишь въ угрозахъ съ одной стороны и „непрестанномъ береженіи отъ прихода воинскихъ людей" съ другой, да въ посылкахъ развѣдчиковъ и посланцевъ для переговоровъ съ обѣихъ, пока съ юго-востока къ кучумовичамъ не подошло совершенно неожиданное подкрѣпленіе въ видѣ скопищъ *калмыковъ*.

Мы уже ранѣе изъ донесеній Тарскаго воеводы Войкова, съ пути въ поискахъ за Кучумомъ, видѣли, что всего въ двухъ дни-

[1]) Русская Историческая библіотека т. 2-й ст. 99.

щахъ отъ мѣста послѣдняго побоища съ Кучумомъ на Оби, въ 1598 году расположились пришедшіе съ юга калмыки въ пяти тысячахъ душъ. Не ограничившись занятіемъ этихъ мѣстъ, они, тѣснимые съ одной стороны Алтынъ-ханомъ монгольскимъ, а съ другой обуреваемые междоусобіями, съ всё болѣе и болѣе прибывающими силами, родъ за родомъ стали подвигаться къ сѣверу и сѣверо-западу нынѣшнихъ Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской областей и Барабы.

Въ 1606 году впервые Тарскій воевода Сила Гагаринъ донесъ о появленіи калмыковъ въ Тарскомъ уѣздѣ. Съ этого года улусы ихъ одинъ за другимъ появляются на Оми, по Камышлову, на Ишимѣ и Тоболѣ. Безсильные въ противодѣйствіи столь могучему переселенческому потоку, ногаи съ уцѣлѣвшими отъ русскаго разгрома кучумовичами частью передвигаются еще далѣе на сѣверо-западъ, въ верховья Яика и южные отроги Уральскаго хребта, къ Общему-Сырту, частью присоединяются къ пришельцамъ и общими съ послѣдними силами начинаютъ тѣснить, какъ подвластныхъ русскихъ ясачныхъ инородцевъ, такъ отчасти и самихъ русскихъ, особенно подъ Тарою и Тюменью. Русскіе въ свою очередь, ясно сознавая съ одной стороны свою крайнюю малочисленность, а съ другой неустойчивость положенія, вспомнившихъ о Кучумѣ царѣ сѣверныхъ инородцевъ, находившихся по отношенію къ южному фронту дѣйствій русскихъ въ тылу, дѣйствуютъ чрезвычайно осторожно, высылая на встрѣчу неожиданнымъ пришельцамъ, смотря по обстоятельствамъ, то развѣдчиковъ, то посланцевъ, то вооруженные отряды. Развѣдчики—казачьи атаманы и боярскіе дѣти, доносили, что калмацкіе люди, большіе и малые тайши „идутъ съ старыхъ кочевищъ отъ Алтыновыхъ людей и мугальцевъ (монголовъ); а кочуютъ-де тѣ Алтыновы люди у Иртышскихъ у соляныхъ озеръ; а калмацкіе тайши съ своими улусными людьми на Камышловѣ *рѣкѣ* что „промежъ Иртыша и Ишима и тутъ-де у нихъ скотъ и животъ“ и между Омью и Чаны озеромъ, и на Ишимѣ и на Абутѣ[1]), гдѣ передъ этимъ, какъ мы видѣли, только

[1]) Донесеніе Тюменскихъ воеводъ Михайлы *Долгорукаго* и Юрья *Редрикова*.

что кочевали ногаи. А калмыцкій-де большой тайша Каракула ходилъ „къ Алтыну Царю войной, а людей съ нимъ ходило 4 т. и улусъ-де у Алтына Царя повоевалъ и полону взялъ много, и взявъ-де пошелъ назадъ; и Алтынъ-де Царь послалъ на пересмъ къ тому Каракулѣ тайшѣ 4 т. людей и 3 т. сладѣ, и у тайши де Каракулы людей всѣхъ побилъ и Каракула ушелъ съ сыномъ[1])... Что Ишимъ-де Царевичъ вмѣстѣ съ калмацкими тайшами (породнившись съ однимъ изъ послѣднихъ), кочуетъ на Ишимѣ. А наряжаются-де они вновь войною на Мугальскихъ людей, а женъ и дѣтей своихъ и скотъ и животъ отсылаютъ на Камышловъ.— Нахваляется-де Ишимъ-царевичъ, что-де и русскіе городки отъ нихъ не уйдутъ, что „Сибирскіе-де казаки отца его Кучума извели, а братью его Алея и Азія раззорили и ему-де Ишиму приходити за то на государевы городы войною[2])“ и т. д.

Русскіе посланцы въ отвѣтъ на то говорили тайшамъ и царевичамъ царское жалованное слово: „чтобы тѣмъ тайшамъ быти подъ Его царскою рукою, и на государевой-бы землѣ тайшамъ не кочевати, царскихъ вотчинъ на Оми и Камышловѣ не зорити; на государевы волости войною не приходити и на звѣровьи звѣровщиковъ не побивати, не грабити, и тайшамъ-бы на томъ Государю шерть держати по своей вѣрѣ.[3])“ А тайши Бобуга да Казенекъ, да Каназаръ имъ отвѣчали: „мы тайши кочуемъ на своей землѣ, а не на Государевѣ, а подъ Государевой рукой мы не хотимъ быти, хотимъ-де съ Государевыми людьми воеватца“ и т. д. И шли то подъ Тюмень, то подъ Тару. А русскіе люди въ свою очередь гонялись за кучумовичами, ногайцами и калмыками. Извѣстно, напримѣръ, что при Тобольскомъ воеводѣ Матвѣѣ Годуновѣ учинено было два похода; одинъ подъ начальствомъ казачьяго атамана дружины *Юрьева* въ мартѣ 1607 г. послѣ разграбленія кучумовичами Кыпырскаго городка, а другой подъ начальствомъ головы Назарья *Изединова* въ іюлѣ того-же года на

[1]) Показанія конпаго казака Кузьмки Толмачева. Русск. Ист. Библ. т. 2 й.

[2]) Показанія служилаго человѣка Васьки Трубачева.

[3]) Донесеніе боярскаго сына Дмитрія *Черкасова* съ спутниками казаками Лазаремъ *Васильевымъ* и Офонькой *Тобанакъ*.

Нежель, въ то время какъ царевичъ Алей съ братомъ Азіемъ громили тарскихъ ясачныхъ инородцевъ, при чемъ Изединовымъ захвачены на стан-зимѣ близь лѣса *Шалыгинъ-Карагай* Алеева мать, жена его съ двумя сыновьями, двѣ жены Азиевы съ дочерями и др. знатные полоненики. Извѣстивъ о нападеніи, царевичъ, оставивъ Тару, быстро кинулся въ погоню за Изединовымъ, но безуспѣшно; плѣнники брошены были въ Тюмень и въ слѣдующемъ году отправлены въ Москву, прежнимъ путемъ на Вологду и Новгородъ, такъ какъ прямое сообщеніе съ столицей, окруженное полками и сторожками второго лжеДимитрія, было прервано. Изъ Новгорода плѣнники съ войсками князя Скопина-Шуйскаго, были доставлены въ Москву[1]).

Мстя за похищеніе семействъ своихъ родственниковъ, отецъ плѣненной Алеевой жены, помянутый выше не разъ, ногайскій мурза Урусъ съ сторонниками также кинулся подъ Тюмень и не доходя до нея всего 20-ти верстъ на Пышмѣ разграбилъ всѣ русскія и инородческія ясачныя селенія. Затворившіеся въ началѣ въ Тюменскомъ острогѣ русскіе служилые люди, убѣдившись, что силы Уруса не такъ велики, какъ предполагалось въ началѣ, вышли изъ острога и подъ начальствомъ атамана Дружины *Юрьева* погнались за грабителями; настигли ихъ за Исетью, побили и возвратили полонъ[2]).

Въ то время, какъ Тюмень отбивалась отъ Ногаевъ, поддерживавшихъ сыновей и внуковъ знаменитаго Сибирскаго царя-Кучума, а Тобольскъ, Березовъ, Пелымъ, Мангазея и другіе сѣверные города усмиряли вогуличей, пелымцевъ и остяковъ, Тара выдерживала главный напоръ калмыковъ, родъ за родомъ, и улусъ за улусомъ занимавшихъ признаваемыя русскими урочища по Камышлову, Оми и Иртышу сѣвернѣе Омскаго устья.

Мирные переговоры объ отступленіи калмыковъ дальше отъ занятыхъ русскими мѣстъ ни къ чему не привели и изъ Тары прини-

[1]) Донесенія и показанія многихъ атамановъ и проч. служилыхъ людей, резюмированныя и въ Сибирскихъ Исторіяхъ Миллера и Фишера.

[2]) Сиб. Ист. Миллера т. 2-й. Ежемѣсячн. сочин. къ пользѣ и увес. служ. С.-ПБ. 1755 г.

лось командировать для отгона калмыковъ воинскія команды. На самой Оми въ двухъ дняхъ отъ ея устья устроенъ постоянный такъ называемый Барабинскій караулъ, изъ тобольскихъ и тарскихъ казаковъ, наряжавшихся туда погодно. На правомъ русскомъ берегу, по одному изъ позднѣйшихъ калмыцкихъ показаній нашему посланцу Угрюмову, въ видѣ граничнаго знака вырѣзанъ былъ даже на одномъ изъ отдѣльно стоящихъ деревьевъ воинъ на лошади въ полномъ вооруженіи[1]).

Но ни этотъ воинъ, ни Барабинскій острожекъ на Оми, ни малолюдные воинскіе поиски за хищниками, ни посольскіе переговоры, какъ оказалось, не могли привести къ полюбовному разграниченію русскихъ сѣверянъ съ калмыками-южанами. Въ 1611 году послѣдніе, почувствовавъ за собою силу, дошли даже до того, что не пропустили въ степь русскія мелкія команды, шедшія на озера для добычи соли въ потребность населенія г.г. Тары, Тобольска и др.

Пришлось прибѣгнуть къ посылкѣ болѣе значительныхъ соляныхъ отрядовъ. Въ 1613 г. первая такая большая команда въ нѣсколько сотъ человѣкъ тарскихъ, тобольскихъ и тюменскихъ казаковъ была сформирована подъ начальствомъ ротмистра—казацкаго атамана Барташа *Станиславова* и благополучно прослѣдовала на досчаникахъ вверхъ по Иртышу до самаго оз. Ямышъ, 400 верстъ южнѣе устья р. Оми и нагрузившись солью, такимъ же порядкомъ возвратилась въ Тару. Съ этого времени подобныя же экспедиціи стали снаряжаться на Ямышъ почти ежегодно, хотя и нельзя сказать, чтобы всегда съ столь-же хорошими результатами. Въ одинъ разъ эти воинскія экспедиціи, сопровождаемыя обыкновенно и торговыми людьми изъ русскихъ и бухарцевъ, встрѣчались весьма дружелюбно: калмыки помогали русскимъ въ выломкѣ соли; открывали торгъ или обмѣнъ русскихъ произведеній на произведенія кочевниковъ; но въ иной разъ кончались и открытыми вооруженными столкновеніями. Бывали случаи, что русскіе совсѣмъ уходили безъ соли.

[1]) Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ. Дѣло о посольствѣ Угрюмова.

Особенно ярыми противниками всякихъ дружескихъ сношеній съ русскими были кучумовичи (сыновья и внуки бывшаго Царя Сибирскаго), которые, породнившись съ калмыцкими тайшами, и здѣсь, на Иртышѣ, подобно тому, какъ мы видѣли на Ишимѣ и Тоболѣ, бунтовали противъ исконныхъ враговъ своего знаменитаго дѣда. Такимъ образомъ начатые было тайшами Балтуромъ, Орлюкомъ и Тургенемъ въ 1615 г. переговоры о мирѣ съ русскими, окончились ничѣмъ благодаря вмѣшательству извѣстнаго царевича Ишима, который, кочуя въ это время около Семи Палатъ (близь нынѣшняго города Семипалатинска), и принявъ послѣ смерти старшаго своего брата Алея, титулъ Сибирскаго Царя, не постѣснился въ сношеніяхъ съ нашими служилыми посланцами прибѣгнуть къ обычной коварной измѣнѣ, имѣвшей для этихъ посланцевъ самыя печальныя послѣдствія.

Чтобы наказать предателей, въ 1618 году съ нашей стороны, подъ начальствомъ Алексѣя Вельяминова Воеицова, снаряжена была въ степь серьезная военная экспедиція, закончившаяся сильнымъ пораженіемъ названнаго Царя и его сторонниковъ гдѣ-то въ верховьяхъ р. Ишима. Въ числѣ богатой добычи захвачено было болѣе 70-ти навьюченныхъ всякимъ добромъ верблюдовъ, часть которыхъ осталась въ Тарѣ, а часть (большая) черезъ Тобольскъ была въ качествѣ рѣдкостныхъ трофеевъ, доставлена ко двору въ Москву[1]).

Съ этого времени мысль о включеніи озера Ямышъ въ раіонъ безспорныхъ и постоянныхъ русскихъ владѣній вверхъ по Иртышу, дѣлается постоянною; особенно послѣ того, какъ въ 1624 г. начальникомъ соляной экспедиціи къ Ямышу, тобольскимъ казацкимъ атаманомъ *Грозою Ивановымъ* совмѣстно съ товарищемъ его, уже не разъ помянутымъ выше, боярскимъ сыномъ *Дмитріемъ Черкасовымъ*, были привезены въ Тобольскъ образцы наломаннаго въ 30-ти верстахъ къ югу отъ Ямышева (вблизи нынѣшняго казачьяго поселка на Иртышѣ Лебяженскаго) *алебастра*, принятаго въ первое время за слюду.

[1]) Фишеръ. Сиб. Ист. кн. 2, стд. втор.

Какъ только о такой находкѣ было получено извѣстіе въ Москвѣ, такъ немедленно-же прислалъ въ Тобольскъ приказъ добыть той „слюды“ еще и доподлинно провѣдать, нельзя ли въ тѣхъ мѣстахъ построить русскій острожекъ для охраны солянаго озера и другихъ мѣстныхъ богатствъ, буде таковыя откроются.

Исполненіе этого порученія возложено было на тѣхъ-же атамана *Грозу Иванова* съ *Черкасовымъ*, которые въ 1626 году между прочимъ писали, что они-де „пріѣхавъ къ соляному озеру Ямышу разъѣзжали и разсматривали у озера по обѣ стороны и по Иртышу вверхъ и внизъ мочно-ли у того озера Ямыша острогъ поставить чтобъ былъ у крѣпостей и чтобъ было угодье и пашни и сѣнные покосы и лѣса и рыбныя ловли къ тому острогу были близко или не близко и въ колькихъ верстахъ и мочно ли тѣ пашни государевымъ людемъ, которые въ томъ острогѣ будутъ пахать и сѣна косить и лѣсъ сѣчи и рыбныя ловли ловить, и не будутъ-ли отъ калмацкихъ людей государевымъ людемъ какіе тѣсноты и порухи, и съ калмацкими людьми мочно-ли будетъ торговати и какіе товары“. Таковъ былъ данъ имъ наказъ свыше.

Сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ этого любопытнаго донесенія атамана Грозы *Иванова* съ его товарищемъ. Вотъ что, напримѣръ, писали наши развѣдчики объ окрестностяхъ оз. Ямыша. „А около озера солянаго и прѣснаго прилегла степь, чистое мѣсто, земля, песокъ, а трава на степи ростетъ типецъ, не велика въ вершокъ. А противъ солянаго пристанища за рѣкою займище, а за займищемъ протока, а за протокою степь, чистое мѣсто, а земля песокъ а трава тоже типецъ. А займищъ вверхъ по Иртышу лѣсныхъ мѣстъ въ лодкѣ ѣхать два днища; а внизъ по Иртышу займищъ лѣсныхъ мѣстъ по обѣ стороны много; а лѣсъ въ займищахъ тополникъ, а иного никакого лѣсу нѣту“—и т. д.

„А сѣнныхъ Государь покосовъ опричь займищъ нѣтъ; а по займищамъ и по лѣсомъ, по край рѣки межъ таловъ и межъ тополнику и ветельнику травы добыть мочно и то не на великъ скотъ...“.

Про пашни писалось: „А пашни пахати у соленаго озера и

вверхъ по Иртышу по обѣ стороны Иртыша отнюдь нельзя, и хлѣбъ не родится, потому что земля песокъ и трава не ростетъ; а внизъ по Иртышу пахотныхъ мѣстъ черной земли до Оми рѣки нѣту; а отъ Оми рѣки ходу до соляного пристанища большими судами вверхъ по Иртышу 4 недѣли" и т. д.

— „А рыбной ловли въ рѣкѣ въ Иртышѣ и въ прѣсномъ озерѣ что близъ Ямыша озера мочно быть; въ томъ государевымъ людемъ нужи не будетъ, только-бы калмацкіе люди не учинили какой тѣсноты".

— „А колмацкіе торги будутъ-ли и прибыль Его Царскому Величеству будетъ-ли, про то невѣдомо, потому что съ колмаки не по вся годы мы ходячи къ Ямышу озеру видаемся и торгуемъ, и калмацкіе люди приносятъ продавать лисиченки красные польскіе, и бобришка и корелки, и овчины и тулупы овчинные, а больши того рухлядь не многая; а большихъ товаровъ никакихъ нѣту, только продаютъ много лошадей и рогатаго скота; а купя лошади рогатый скотъ въ городы проводить страшно, отъ нихъже отъ калмацкихъ людей. А только-бы острогу у Ямыша озера будетъ надобно, людей надобѣ въ томъ острогѣ съ вогненнымъ оружіемъ съ пять сотъ человѣкъ, и нарядъ (пушки) съ ними надобе-жъ, потому что около Ямыша озера кочуютъ калмацкіе люди многіе и обереганіе отъ нихъ держати надобе[1])".

При сказкѣ Грозы Иванова и Черкасова приложены были особо *чертежъ и роспись*, до насъ, повидимому, не дошедшіе или теперь утраченные.

Донесеніе атамана Грозы Иванова по полученіи въ Москвѣ было тщательно разсмотрѣно, соображено и доложено Государю Михаилу Ѳеодоровичу. О результатѣ этого доклада, на оборотной сторонѣ воеводскаго донесенія по сему написано: „Государь слушалъ и указалъ писать въ Тобольскъ къ воеводамъ: по тому ихъ высмотру и по допросу острогу жилого у соленаго озера ставити не велѣлъ, потому что они пишутъ о тѣхъ мѣстахъ пашенныхъ мѣстъ нѣтъ, и пашни завесть и хлѣба на служилыхъ и на жи-

[1]) Русск. Историч. библіот. т. 8-й.

лецкихъ людей напахать негдѣ и всякихъ угодій мало и лѣсу хоромнаго нѣту, и съ калмацкими людьми торгу чаять небольшого и въ томъ острогѣ прибыли чаять мало. И они-бъ воеводы впредь посылали по вся годы, на Ямышъ озеро ратныхъ людей и судовъ по соль передъ прежними годы съ прибавкою, чтобъ соли нагребать предъ прежнимъ съ прибылью и промышлять о томъ, смотря по тамошнему дѣлу какъ-бы Государю было лучше и прибыльнѣе".

Такъ и было исполнено; мысль о возведеніи острога на Ямышѣ озерѣ временно оставлена, а составъ соляныхъ экспедицій усиленъ. Но при этомъ сильнѣе чѣмъ до сего времени выяснилось и неудобство столь дальнихъ ежегодныхъ плаваній, безъ какого-бы то ни было промежуточнаго между Тарою и Ямышевомъ опорнаго пункта и базиса для склада всякаго рода запасовъ, на случай зазимованія и вообще обезпеченія сношеній съ столь отдаленнымъ пунктомъ. Возникла мысль объ устройствѣ передоваго для всей при-Иртышской степи, опорнаго пункта или острожка при устьи Оми, въ мѣстности, за которою уже давно было признано, выражаясь по современному, стратегическое значеніе въ смыслѣ узла для всевозможныхъ начинаній, какъ для защиты, такъ и нападеній.

Въ 1628 году, въ виду неоднократныхъ нападеній калмыковъ на ясачныя тарскія волости и выяснившейся безуспѣшности погони за ними отъ самой Тары, тамошніе воеводы Шаховской и Кайсаровъ, били Государю челомъ, что впредь для государевыхъ непослушниковъ калмацкихъ людей, безъ острожку вверхъ по Иртышу быти не мочно и рекомендовали для этого устье Оми, „гдѣ у калмацкихъ людей черезъ Иртышъ перевозъ"—и всякихъ угодій довольно и пашенныхъ людей устроить можно и на подмогу тѣмъ, что ходятъ ежегодно на Ямышъ озеро, ратныхъ людей и запасы содержать тоже можно.

Въ Москвѣ къ этому послѣднему предложенію отнеслись чрезвычайно сочувственно, особенно послѣ того, какъ посланные туда съ Тары казачій голова *Назарій Жадовскій* и конные казаки Безсонко *Чужниковъ* съ товарищами заявили, что „на устьѣ рѣки Оми острогъ поставити мочно, мѣсто хорошо и лѣсу близко

много"—что „только-де на томъ Омскомъ устьѣ острогъ поставивши, изъ того-де острогу оберегати наши ясачныя волости мочно и перевозъ черезъ Иртышъ на Омскомъ устьѣ у калмацкихъ людей отняти мочно и ясачнымъ людемъ будетъ береженье великое отъ калмацкихъ людей"; что поставивши острогъ на устьѣ Оми, можно будетъ снять другой, имѣющійся на Оми Барабинскій острожекъ, служба въ которомъ затруднительна и сношеніе съ нимъ не всегда возможно.

Въ царскомъ указѣ тобольскимъ главнымъ воеводамъ, по поводу представленія Шаховскаго и Кайсарова, данномъ 31 августа 1628 года, наказано;—по тщательной провѣркѣ тарскими воеводами и казаками, поставить на Омскомъ устьѣ острогъ—„А какъ служилые люди тотъ острогъ поставятъ и крѣпостьми укрѣпятъ и вы-бъ на Омское устье на пашню велѣли послать крестьянъ изъ пашенныхъ изъ ближнихъ городовъ, откуда пригоже, что-бъ пашни завести, а сѣмена велѣти послати изъ Тобольска или откуда будетъ ближе".

Къ сожалѣнію, этому благому указу Царя Михаила Ѳеодоровича съ его разумно намѣченною колонизаціею средняго Иртыша, не суждено было осуществиться ранѣе какъ черезъ 88 лѣтъ, при внукѣ его Петрѣ I-мъ и при томъ далеко не на тѣхъ раціональныхъ началахъ, какъ предполагалось въ 1628 году. Возникшія въ 1629 году и въ послѣдующіе года, волненія въ средѣ калмыковъ и нашихъ пограничныхъ ясачныхъ инородцевъ, пытавшихся сжечь самую Тару (какъ о томъ будетъ подробно сказано въ послѣдующихъ главахъ), а затѣмъ возникновеніе сильнаго Джунгарскаго царства, поставившаго себѣ сѣверною гранью ту-же рѣку Омь, вынудили тобольскихъ и тарскихъ воеводъ отложить заложеніе острога при Оми на неопредѣленное время. Но мысль о необходимости такого предпріятія, какъ оказывается, съ того времени уже никогда не покидала мѣстныя сибирскія власти, до самаго осуществленія его въ дѣйствительности въ 1716 году. На извѣстномъ Ремезовскомъ чертежѣ сибирской земли мы еще въ концѣ XVII столѣтія видимъ отмѣтку противъ того мѣста, гдѣ

теперь стоитъ городъ Омскъ: „*Іірай калмыцкой степи пристойно вновь быти городу*“.

Останавливаясь пока на этомъ въ изложеніи историческаго хода сношеній, поисковъ и развѣдокъ, въ сѣверной части нынѣшней Акмолинской области, попытаемся въ заключеніе главы сдѣлать изъ произведенныхъ при этомъ отрывочныхъ замѣтокъ и наблюденій тогдашнихъ служилыхъ людей, краткое историко-географическое обобщеніе.

По гидрографіи сказаннаго раіона, нельзя не отмѣтить единогласныхъ ссылокъ на существованіе вливавшейся въ р. Иртышъ почти какъ разъ противъ устья р. Оми съ другой стороны значительной рѣки Камышлова, на которой въ началѣ XVII столѣтія обиталъ и кормился „весь скотъ и животъ“ вновь придвинувшихся къ звѣроловческой Сибири гостей изъ Монголіи калмыковъ; рѣки, очевидно по качеству своихъ водъ и приволью окружающихъ ее тучныхъ пастбищъ, представлявшей всѣ условія, если не для осѣдлой, то для кочевой жизни. По Ремезовскому чертежу сибирской земли рѣка Камышловъ, беря начало въ глуби степей „изъ многихъ озеръ“, текла сначала на с.-в. вдоль Ишима, недалеко отъ краснаго яра поворачивала на востокъ и, пересѣкши всю степь между Ишимомъ и Иртышомъ, вливалась въ послѣдній съ лѣвой стороны почти противъ устья Оми. Въ настоящее время, какъ извѣстно, рѣки Камышлова, въ томъ видѣ какъ она описывалась казаками, посѣщавшими ее въ началѣ XVII в. и какъ она обозначена на картѣ Ремезова, уже нѣтъ. Между Иртышемъ и Ишимомъ, отъ Омска до Петропавловска, теперь тянется цѣпь большею частью негодныхъ къ питью горько-соленыхъ озеръ, соединенныхъ между собою протоками, зачастую совершенно пересыхающими въ лѣтнюю пору; соединенія этихъ озеръ съ системою большихъ Кокчетавскихъ озеръ не существуетъ. Несомнѣнно, однако-же, что въ разсматриваемую нами эпоху, на мѣстѣ сказанныхъ озеръ существовала рѣка; рѣка, при томъ весьма вѣроятно, настолько крѣпкая, что была вполнѣ пригодна для того, чтобы при ней обиталъ калмыцкій „скотъ и животъ“;

рѣка, бравшая начало изъ группы большихъ Кокчетавскихъ, горныхъ, боровыхъ озеръ — Чалкаръ, Аиртавъ, Имантавъ и др., какъ извѣстно, и до настоящаго времени, болѣе или менѣе, явственно соединенныхъ между собою видимыми и невидимыми протоками, логами заполненными мелкими озерками, мочежниками и болотцами. Изслѣдованія ложбины Камышлева, произведенныя по почину мѣстнаго казачьяго начальства въ 1865 и 1867 годахъ, какъ нельзя болѣе подтверждаютъ основательность такого предположенія. По развѣдкамъ войсковаго старшины *Иванова* и нивеллировкѣ Капитана военныхъ топографовъ *Захарова*[1]), оказывается, что не только въ предшествующіе два столѣтія нашего знакомства съ означенною мѣстностью, но даже въ началѣ текущаго, всѣ камышловскія озера имѣли непрерывный и постоянный стокъ въ Иртышъ; стокъ, при томъ, настолько быстрый, что во многихъ мѣстахъ, по всему его теченію были разставлены водяныя мукомольныя мельницы, отъ существованія которыхъ теперь нѣтъ и слѣда[2]). Даже въ годъ изслѣдованія войсковаго старшины Иванова, т. е. въ 1865 г., благодаря дождливости предшествовавшихъ лѣтъ и снѣжности зимъ, существовалъ сплошной стокъ водъ въ видѣ рѣчки отъ самаго почти оз. Чалкара чрезъ дальній Тарангулъ, Сарыгулъ, Джиланды, Балыкты, Акъ-Суатъ, Бозаралъ, Узунъ-Камышъ и Ярма, въ 18-ти верстахъ отъ станицы Полудинской, лежащей на 50 верстъ восточнѣе Петропавловска. Нивеллировка Захарова показала, что озеро Чалкаръ лежитъ на 45 саженъ выше водъ въ Иртышѣ при городѣ Омскѣ. Отсюда Камышловское ложе, сравнительно быстро опускаясь на сѣверъ по направленію къ Ишиму, не доходя до послѣдняго верстъ 15 у озера Сарыгулъ, лежащаго выше Ишима на 16 саженъ, поворачиваетъ на сѣв.-вост. параллельно этой рѣкѣ вдоль водораздѣла не превы-

---

[1]) Тоже по происхожденію казака и бывшаго сотника сибирскаго войска до перевода въ корпусъ топографовъ.

[2]) См. мою статью въ Зап. Зап.-Сиб. Отд. Импер. Рус. Геогр. Общ. за 1893 г. „Изслѣдованія и нивеллировка Камышловскихъ озеръ въ 1865—1867 г.г. въ цѣляхъ образованія соединительнаго прѣсноводнаго канала между рѣками Ишимомъ и Иртышемъ“.

шающаго въ самой широкой части 35-ти верстъ и, постепенно отдаляясь къ востоку, у озера Ярма поворачиваетъ прямо на востокъ, слѣдуя далѣе на протяженіи 250 верстъ по мѣстности, имѣющей самый ничтожный уклонъ къ долинѣ Иртыша[1]). Ничего мудренаго, поэтому, нѣтъ, что самыя ничтожныя причины, вродѣ ряда засушливыхъ лѣтъ и убыли воды до перерыва теченія рѣки въ одномъ, двухъ мѣстахъ, могли имѣть послѣдствіемъ совершенное прекращеніе теченія рѣки въ этой части ея русла; а разъ рѣка дошла до такого положенія, дальнѣйшее дѣленіе ея на короткіе участки совершенно естественно; не менѣе естественно и то, что при незначительности прилива воды сверху и при плоскости окружающихъ старое ложе равнинъ, всякая прибыль воды въ томъ или иномъ участкѣ, влечетъ за собою не прорывъ его по направленію къ крайне ничтожному засорившемуся склону бывшаго русла, а къ разливу по окрестности въ видѣ озера большей или меньшей величины. Все болѣе и болѣе разобщаясь и застаиваясь, озера эти горькнутъ и солонѣютъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, дѣлаясь источникомъ всякаго рода заразныхъ болѣзней на людей и животныхъ.

Такова современная судьба воднаго источника въ 500 верстъ длины еще, сравнительно, столь недавно бывшаго, какъ то мы видѣли изъ приведенныхъ выше казацкихъ показаній, желаннымъ

---

[1]) Кромѣ имѣвшей совершенно специальное значеніе нивеллировки ложа Камышловскихъ озеръ, произведившейся Захаровымъ въ 1866 и 1867 годахъ, въ томъ же раіонѣ производились точныя, непрерывныя нивеллировки: линія отъ Петропавловска до Омска въ 1875 году г. *Мошковимъ* и почтоваго тракта отъ Петропавловска до Кокчетава въ 1885 г. полковникомъ *С. Т. Мирошниченко*. Первая изъ этихъ нивеллировокъ показала, что высота Петропавловска надъ уровнемъ моря 45 саженъ; высшая точка водораздѣла между этою рѣкою и Камышловскою долиною у поселка Плоскаго въ 25-ти верстахъ отъ Петропавловска—62 сажени; высота Омска—39,8 сажени, т. е. паденіе мѣстности между Петропавловскомъ и Омскомъ на протяженіи 250 верстъ всего 5,2 сажени. Нивеллировка полковника Мирошниченко показала, что высшая точка водораздѣла по направленію къ Кокчетаву лежитъ у пикета Каратальскаго всего въ 19 ти верстахъ отъ Петропавловска (64 саж.). Самое высокое ложе Камышлова, лежитъ у пикета Камышловскаго въ 64-хъ верстахъ, на высотѣ 56,9 саженъ. Кокчетавъ, въ 174-хъ верстахъ отъ Петропавловска, на высотѣ 99,7 сажени.

поильцемъ и кормильцемъ для стремившихся на сѣверъ отъ преслѣдованій съ юга, калмыковъ. Нужно думать, что и въ будущемъ Камышловъ не возобновится.

Одинаковую судьбу съ Камышловомъ, несомнѣнно испытало и множество другихъ рѣкъ и рѣчекъ, протекавшихъ въ обозрѣваемомъ нами Ишимско-Иртышскомъ степномъ раіонѣ. Достаточно внимательно вглядѣться въ подробную десятиверстную карту этого раіона, чтобы найти массу рѣчныхъ и озерныхъ водоемовъ, которые представляютъ исторію Камышлова во всѣхъ стадіяхъ ея развитія. Не можетъ, намъ кажется, подлежать сомнѣнію, что еще въ сравнительно недавнее время, среднее теченіе Иртыша между Омскомъ и Семипалатинскомъ, теперь столь маловодное въ окрестностяхъ, имѣло множество болѣе или менѣе значительныхъ притоковъ съ лѣвой и правой стороны, непосредственно вливавшихся въ Иртышъ. Существующія и теперь степныя рѣки по лѣвую сторону Иртыша: Кыздыкъ—кара-су, Селенты, Уленты, Чедертты, Ащи-су, Тентекъ и по правую Баганъ, Карасукъ, Бурла и масса другихъ меньшихъ Барабинскихъ рѣчекъ, заканчивающихся однимъ или нѣсколькими мелководными степными озерами, иначе нельзя считать, какъ уцѣлѣвшими отъ разрыва верховьями этихъ-же рѣкъ, доходившихъ когда-то до самаго Иртыша. Низовья ихъ стекли или скатились въ Иртышъ, исчезнувъ совершенно, или-же оставивъ въ раіонѣ пересохшихъ своихъ руслъ, рядъ большей или меньшей величины озеръ. Прервавъ почти совершенно связь съ Иртышемъ и не имѣя болѣе силъ для заполненія всего бывшаго своего русла, рѣки эти въ настоящее время сливаютъ избытки своихъ водъ въ разлившіяся по степи въ видѣ озеръ свои устья... Таковы у Кыздыкъ-кара-су и Селенты большое плоскодонное озеро Денгизъ, у Уленты рядъ Акъ-кульскихъ озеръ, у Чедертты бифуркація главнаго русла, заключающаяся озерами Куйрукъ-саръ, у Ащи-су и Тентекъ рядъ разнаго наименованія озеръ, доходящихъ почти до самаго Иртыша; съ другой стороны у р. Бурла рядъ Топольныхъ озеръ, у Карасукъ долгій солонецъ Учъ-тузъ и проч. Даже самое озеро-море Чаны, есть

до извѣстной степени общій стокъ ряда параллельныхъ барабинскихъ рѣкъ Каргатъ, Чулымъ, Сумы, Карапусъ и др. Рѣки эти, совмѣстно съ множествомъ другихъ болѣе мелкихъ соединившіяся въ озеро-море Чаны, также имѣли стокъ непосредственно въ Иртышъ въ видѣ нѣсколькихъ параллельныхъ рѣчекъ, которыя, какъ мы видѣли въ первой главѣ, существовали еще не только въ эпоху перваго появленія русскихъ на среднемъ Иртышѣ, но и значительно позже. Теперь между Чанами и Иртышемъ существуетъ лишь болѣе или менѣе связанный между собою рядъ степныхъ плоскодонныхъ озеръ, явственно изливающихся въ Иртышъ подземнымъ стокомъ близъ ст. Желѣзенской[1]).

По Ремезовскому чертежу Сибирской земли, составленному по показаніямъ тогдашнихъ служилыхъ людей, въ числѣ притоковъ Иртыша выше Оми еще значатся, прервавшія теперь непосредственную связь съ этою рѣкою Селенты, Енкуль (Уленты?) и справа двѣ помянутыя выше (безъ названія) рѣчки нѣсколько ближе рѣки Оми, вѣроятно Ачаиръ и Атмасъ[2]).

Сравнительное обиліе степныхъ водъ въ описываемую нами первую четверть XVII столѣтія, конечно, не могло не имѣть вліянія и на количество здѣсь атмосферныхъ осадковъ въ тѣ времена, на влажность воздуха, на количество выпадавшихъ дождей и снѣга, на влажность почвы, растительность и т. д. Несомнѣнно, растительность по характеру своему была ближе къ сѣверно-сибирской; сосновыхъ и всякихъ другихъ лѣсовъ было больше; снѣгу тоже больше. Служилые люди и звѣровщики, гонялись за непріятелемъ и пушнымъ звѣремъ, проходили средне-иртышскія и

---

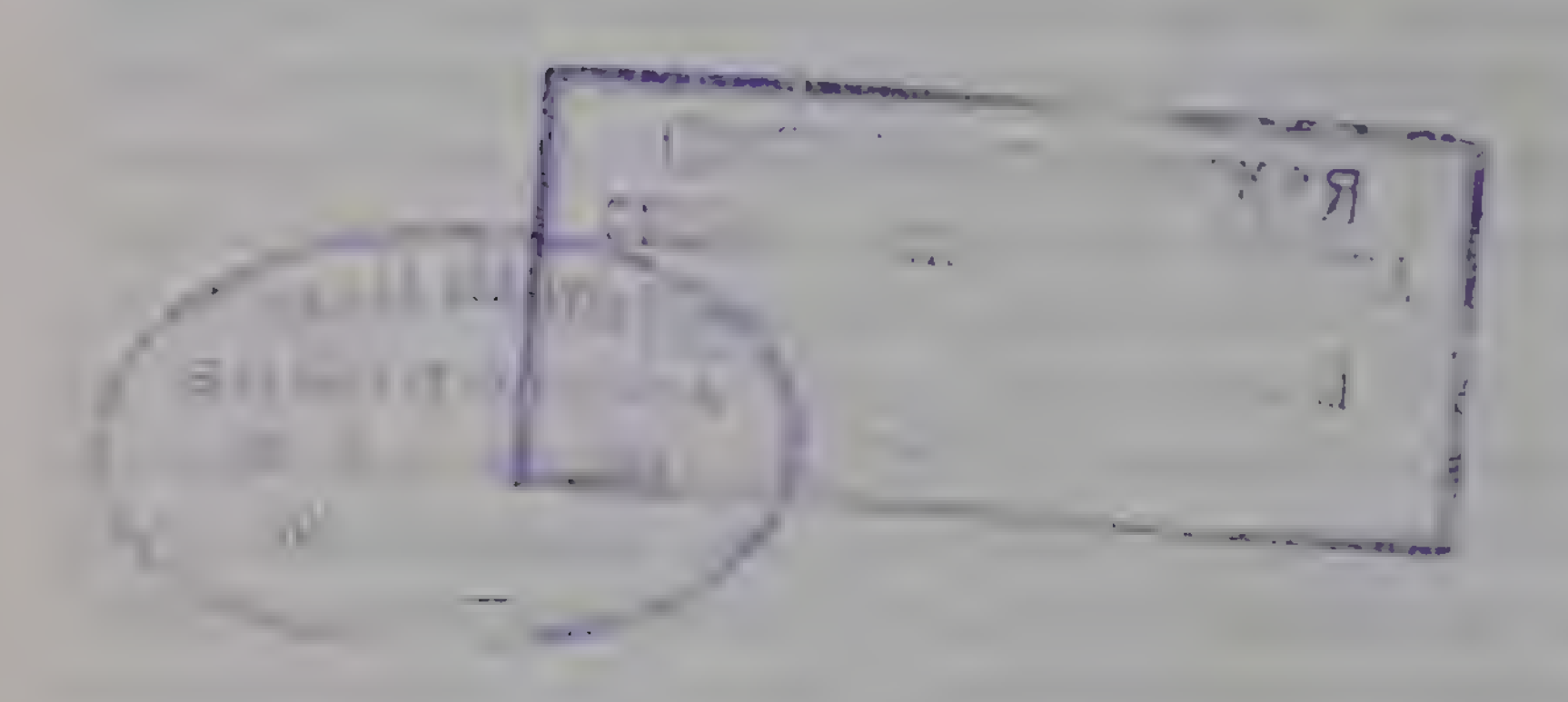
[1]) Миддендорфъ. Бараба. Приложеніе къ XIX тому Записокъ Императ. Акад. Наукъ. № 2. С.-Пет. 1871 г.

[2]) Припомнимъ, что по книгѣ Большаго Чертежа, въ то же время въ другомъ концѣ степи рѣки Сары-су и Чу впадались непосредственно въ Сыръ-Дарью. Несомнѣнно тоже самое, въ сравнительно недавнее время было и съ недоходящими теперь до главной рѣки притоками нижняго Урала — Уилемъ, Карауазякъ, Калдагайты, Буздурты, Уленты, Чедертты съ другой. Сходство полное даже въ названіяхъ. Не говоримъ о массѣ другихъ большихъ, среднихъ и малыхъ степныхъ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ съ ихъ озерами при устьяхъ.

нежныя степи зимою на лыжахъ, о которыхъ теперь обитатели этихъ странъ не имѣютъ и понятія. По описанію атамана Гроза Иванова, средній Иртышъ былъ переполненъ займищами тополиннаго и вѣтловаго лѣса; травянистые луга, тянущіеся теперь по ту и другую сторону средняго Иртыша на пять, десять и болѣе верстъ, были покрыты зарослями лѣса, оставлявшими травѣ лишь „не на зелье сѣть". По рѣчкамъ водились бобры, о которыхъ теперь нѣтъ и помина. Сухія средне-азіятскія степи вплоть надвигаются съ юга и шагъ за шагомъ отнимаютъ у Сибири ея сѣверныя богатства.

Верховья Ишима, Тобола и средній Иртышъ съ притоками населялись калмыками, вытѣсненными сюда съ юга междоусобными нурадинами. О киргизахъ усѣявшихъ теперь берега и окрестности названныхъ рѣкъ, не было еще и помина. Единственное указаніе и ссылку на киргизъ, въ дошедшихъ до насъ документахъ того времени, мы встрѣчаемъ въ показаніи того-же, извѣстнаго намъ, боярскаго сына Черкасова съ казаками Васильевымъ и Табанакъ, бывшими въ 1623 году въ верховьяхъ р. Абугаиръ „у чернаго лѣсу", гдѣ кочевали мелкіе калмыцкіе тайши Бабуга, Кошечъ, Кагулъ и другіе. По словамъ этихъ тайшей, большой ихъ тайша Талай кочевалъ въ то время „на Ивьиихъ горахъ *за казачьей землю*"—т. е. нужно полагать близь нынѣшнихъ Улутавскихъ горъ, гдѣ какъ мы знаемъ начиналась сѣверная грань того пространства Джетышара, которое считалось въ то время обычнымъ обиталищемъ казачьей орды. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что именно только—считалось,—а не было въ дѣйствительности таковымъ, ибо и въ первую четверть разсматриваемаго въ этой главѣ столѣтія, киргизы или „казаки", какъ и въ концѣ предшествовавшаго столѣтія, находились, можно сказать, всецѣло въ предѣлахъ Туркестана. Одинъ изъ казакскихъ хановъ Ишимъ, братъ помянутаго въ первой главѣ Тевекеля, сынъ Шигая, сидѣлъ въ городѣ Туркестанѣ; другой его братъ Турсунъ правилъ въ Ташкентѣ. По прежнему интересуясь исключительно средне-азіятскими дѣлами, „казаки" принимали въ нихъ само

дѣятельное участіе. Ишимъ вмѣшавшись въ междоусобія Бухарскихъ хановъ, свершилъ два удачныхъ похода подъ Самаркандъ, одинъ въ 1611-мъ году, другой въ 1613-мъ. Вскорѣ впрочемъ вражда возгорѣлась и между самими казакскими ханами, при чемъ, по свидѣтельству среднеазіятскаго историка того времени Абулгазы, Ишимъ умертвилъ Турсуна, истребивши множество его приверженцевъ.



2p.